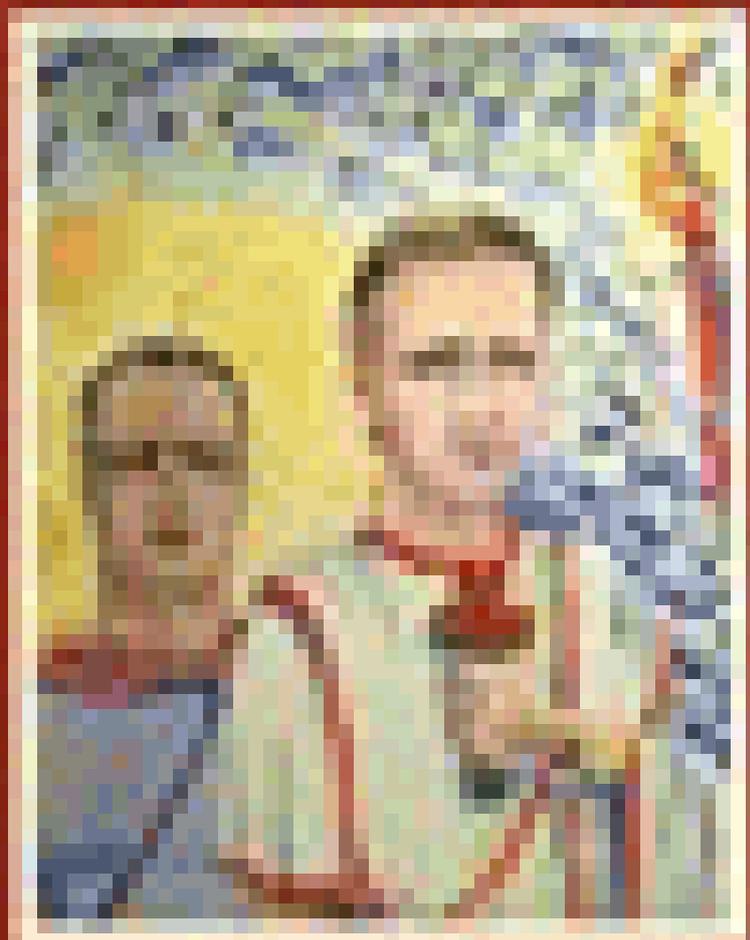

Wissenschaftliche Begleitpublikation
zum 100. Geburtstag (1918-2018)

WIRTSCHAFTS UNIVERSITÄT WIEN

WIRTSCHAFTS UNIVERSITÄT WIEN
WIRTSCHAFTS UNIVERSITÄT WIEN

WIRTSCHAFTS UNIVERSITÄT WIEN
WIRTSCHAFTS UNIVERSITÄT WIEN

WIRTSCHAFTS UNIVERSITÄT WIEN
WIRTSCHAFTS UNIVERSITÄT WIEN

WIRTSCHAFTS UNIVERSITÄT WIEN
WIRTSCHAFTS UNIVERSITÄT WIEN

Приди и виждь - монах Варнава (Санин)

Санин Варнава, монах

...Префект претория поднял руку, и разом установилась тишина.

Император Деций приказал срочно собрать Совет по делу чрезвычайной важности.

Собственно, в тот, 249-й год, каждое совещание в императорском дворце было чрезвычайным.

историческая повесть

- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)

Глава первая

1

...Префект претория поднял руку, и разом установилась тишина.

Император Деций приказал срочно собрать Совет по делу чрезвычайной важности.

Собственно, в тот, 249-й год, каждое совещание в императорском дворце было чрезвычайным.

Совсем недавно «Вечный Город», как гордо именовал себя Рим, пышно отметил свое тысячелетие. Но вот теперь вслед за праздниками наступали ужасные будни.

С Востока все явственней доносилось лязганье свежавыкованного оружия и нетерпеливое ржание боевых коней: то напоминала о себе Риму приходящая в былую мощь Персидская Империя.

Южные границы все громче и громче оглашали победные кличи варваров. Сама же Римская Империя сотрясалась от внутренних неурядиц.

Нужно было немедленно спасти государство.

Дворец быстро заполнялся вызванными людьми, большинство из которых были военные. Мелькали алые полосы сенаторских одежд, поблескивали золоченые доспехи поседевших в сражениях легатов. Лишь стоявшие вдоль стен каменными изваяниями германцы-телохранители сохраняли невозмутимое спокойствие.

Все терялись в догадках.

- Что за спешка? - только и слышалось кругом.
- Что произошло?
- Не готы ли вторглись в наши пределы?
- А может, новый мятеж?
- Только не это! - болезненно поморщился самый старый легат.
- Одно дело рубиться с варварами, и совсем другое - со своими!
- Попытаюсь разузнать что-нибудь через цезаря! - пообещал молодой трибун с озорными глазами, увязываясь за пересекавшим залу старшим сыном императора, но эта попытка не имела успеха.
- Проще получить ответ у его статуи! - вернувшись, сообщил он, кивая в сторону площади, где на пьедестале памятника прежнего императора срочно высекали имя нового ^[1]. - Если, конечно, докричишься!
- Ну и язык у тебя - острее меча! - неодобрительно покачал головой старый легат.
- А чего ему бояться? - встрял в разговор один из штабных командиров.
- Он с цезарем в приятелях!
- Нашел, чему завидовать! - трибун неожиданно нахмурился. - Или забыл, что язык - это обоюдоострый меч? Где теперь верные друзья прежних августов?..

Он не договорил.

- Император цезарь Гай Мессий Квинт Траян Деций благочестивый, счастливый Август! - торжественно возгласил императорский номенклатор.

Двери медленно отворились. В залу, в сопровождении начальника личной гвардии - префекта претория Валериана, вошел Деций, одетый в пурпурный плащ. Названный Траяном в честь своего знаменитого предшественника, он энергично приветствовал отсалютовавших ему военачальников и пригласил их сесть.

Это был человек, основательно потрепанный годами и военными дорогами. Хотя седые волосы его, по моде, заведенной последними императорами, были коротко пострижены, а бородка скорее напоминала щетину, он отличался от них аристократическими манерами и не столь грубыми чертами лица.

Речь его была по-солдатски проста, но чувствовалось, что он снисходил до нее, чтобы его лучше понимали собравшиеся. Взгляд был властным и в то же время недоверчиво-подозрительным.

Как обычно, Деций начал с последних сообщений, поступивших с границ Римского мира.

Дело прояснялось на редкость медленно. Военачальники и проконсулы, вполуха слушая названия крепостей, подвергшихся нападению варваров, понимали, что их вызвали сюда не из-за этого.

Император, сделав небольшую паузу, продолжал о трудностях внутри самой Империи.

- Спасение только в одном! - разрубил он воздух ребром ладони.

- В возрождении старого римского духа, в безжалостном искоренении всего, что угашает его!

Собравшиеся оживились, стали слушать внимательней.

А когда император сообщил, что накануне вечером получил секретное послание Сената, поддержавшего его предложение укрепить власть с применением чрезвычайных мер, поняли: вот оно, главное!

Деций не желал повторять печальной участи своих предшественников. Взять, к примеру, хотя бы трех из последних владык Римского мира. Ни один из них не сумел надолго удержаться на высшем гребне власти. Очередной шторм смывал его кровавой волной в бездну смерти, вместе с сыновьями, женами и ближайшими друзьями.

Да и зачем далеко ходить за примером? Вон - сам Деций: отправившись на Дунай по приказу императора Филиппа Араба усмирять поднявшие мятеж войска, вскоре сам развернул копыта этих солдат против законного владыки.

Чем дольше говорил он сейчас, тем яснее становилось: этот август хочет навести в Империи такой порядок, который исключит возможность нового мятежа.

- Чтобы поднять престиж императорской власти и укрепить единство в государстве, - сказал, наконец, самое главное Деций. - Необходимо по всей Империи принести жертву гению императора. Моему гению! - обводя запоминающим взглядом присутствующих, весомо уточнил он.

- Этим будет засвидетельствована благонадежность всех предо мной и Отечеством!

- Наконец-то! - раздались одобрительные выкрики.

- Давно пора навести порядок в государстве!

- А то скоро на новые императорские плащи и багрянок не останется!^[2] - съязвил молодой трибун.

Деций дал знак Валериану. Префект претория поднял руку, и разом установилась тишина.

- С этой целью в означенный день, под наблюдением специальной комиссии, во всех провинциях будет принесена такая жертва. Отказавшимся, если вдруг таковые найдутся - пытки, в случае упорства - смерть. Вот подписанный мною соответствующий эдикт. После доработки мелочей, приказываю доставить его во все концы Римского мира!

- Поразительно - как можно составить документ, решающий судьбу государства, всего за одну ночь?! - шепотом, но так, чтобы это слышал император, обратился к соседу чиновник с хитроватым лицом, и тот, еще более громким шепотом ответил:

- Так у него же главный советник - Валериан!

- Неизвестно, кто из этих льстецов достиг большего - Деций ведь тоже в свое время был префектом претория у прошлого августа! - шепнул молодому трибуну старый легат, но только

так тихо, что этого не слышали ни сидящий рядом штабной офицер, ни поглядывавший на них проконсул, ни тем более император, который, дав знак о прекращении Совета, в сопровождении Валериана покинул залу, чтобы отбыть вскоре к месту боевых действий...

2

Как ни был увлечен Крисп, слух его уловил приближающиеся шаги...

...Было раннее утро, когда Крисп, сын императорского курьера Марцелла Фортуната, спустился по каменным ступеням красивого, возвышавшегося над всем кварталом дома. Отца вызвали ночью на службу, и он спросил у подметавшего дорожки привратника, не возвращался ли тот из дворца.

- Нет, господин! - низко поклонился двенадцатилетнему мальчику старый раб.

- А где Скавр?

- Господин управляющий пошел торопить поваров с завтраком!

Крисп остался доволен обоими ответами.

Он оглядел сновавших по двору рабов, убедился, что им нет до него никакого дела, и быстрыми шагами пошел по тропинке к видневшемуся в глубине сада деревянному домику. Здесь он толкнул рукой предательски заскрипевшую дверь и, еще раз оглянувшись, нырнул в темный проем.

Внутри царили сырость и мрак. Редкие иглы света, пробивавшиеся сквозь заколоченные окна, не столько освещали, сколько подчеркивали встретившую его темноту.

Бывшая кухня была завалена вещами, хранящими запахи, знакомые с раннего детства. Крисп на ощупь прошел через нее и оказался в комнате. Уверенно ориентируясь, он протиснулся в узкий проход между стеной и грудой отслужившей свой век мебели и оказался в известном только ему с матерью уголке. Сюда они приходили тайком от всех, чтобы помолиться Богу.

Мама...

Хоть и говорит отец Нектарий, что не следует тосковать по ней, а наоборот, должно радоваться, ибо она теперь - святая... но все же - как трудно ему без нее!..

Он опустился на колени перед прадедовским грубым столиком, с резными ножками. Казалось, еще недавно они обедали за ним всей семьей. Потом отец выстроил новый дом, этот остался заброшен, и столик стал для них с мамой чем-то вроде домашнего алтаря. Он был поставлен так, что на него падали лучи света из расширенных щелей. Как всегда они вырывали из темноты свиток папируса с молитвами, бережно завернутые в чистую тряпицу кусочки Агнца, которые выдавал в день Господень - воскресенье - отец Нектарий, чтобы можно было причащаться в течение недели, и, связанный еще мамой из двух ивовых веточек, крест. Мальчик взял его в руки, с благоговением поцеловал и начал молиться:

- Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос!

Как учил отец Нектарий, он просил у Бога спасения всем христианам, здоровья и мудрости императору Децию, приобщения к истинной вере отца и прозрения всем тем, кто еще не верит в Христа. Отец Нектарий, читая во время службы Евангелие, однажды поведал, как один из

самых первых учеников Христа, впервые увидев Его, спросил: «Где живешь?» «Приди и виждь!» ответил ему Христос.

Вот и он хотел, чтобы каждый человек на земле сказал тоже: «Господи, где живешь?» И услышал в ответ: «Приди и посмотри!». А дальше... дальше уже не смог бы жить, как и он, Крисп, без Христа!

- Отче наш, сущий на небесах... - беззвучно шевелил он губами, не сомневаясь, что Господь слышит его. Напротив, скажи кто ему сейчас, что это не так, и он несказанно бы удивился.

- Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день...

«Нам» - потому что так много было за воротами людей, у которых не было даже кусочка хлеба, не говоря уже о теплой одежде и крове - ни-че-го...

3

- Прости, Марцелл, - осторожно возразил Скавр.

Как ни увлечен был Крисп, слух его уловил приближающиеся шаги, протяжный скрип двери, и...

- Проходи, Скавр, не бойся!

Мальчик весь сжался - это был голос отца.

В ответ на приглашение раздались по-солдатски твердые шаги управляющего.

- Завтра я уезжаю, возможно, надолго... - как-то задумчиво начал отец.

- И хочу дать тебе важные указания!

- Слушаю, Марцелл!

- Ты, наверное, удивился, что я даю тебе их не в своем кабинете?

- Да!

- А здесь, куда я запретил входить не только рабам, но и тебе?

- Д-да...

- Дело в том, что этот разговор не должна слышать ни одна живая душа. А сюда не заходит никто, даже я!

- Давно хотел спросить тебя, но не решался... Почему?

- Как бы это тебе объяснить: здесь, в этом доме похоронено мое счастье... Ты человек новый, я взял тебя управляющим уже в свой дворец. Наверняка от рабов ты знаешь, что я был женат, что у меня было трое детей, и мы раньше счастливо жили в этой лачуге. Думали, так будет всегда, но боги рассудили иначе. Сначала попал под копыта лошадей выскочивший на улицу старший сын... Не успели мы оплакать горе, как заболела и умерла от горячки наша единственная дочь. Жена была безутешна. А мне некогда было утешать ее - начиналась подготовка 1000-летия Рима. Работать приходилось, как рабу на рудниках... Словом, нашелся

другой «утешитель».

Марцелл вложил в последнее слово столько ненависти, что Крисп невольно похолодел.

- После одной, особенно долгой отлучки, я не узнал ее. Она стала совсем другая. Ее перестало волновать все, что раньше было близко и дорого нам. Мы мечтали жить в большом доме, я построил целый дворец. Выбился из простого курьера в императорские! Ей было все равно... Я чувствовал, она что-то скрывает, между нами возникла непреодолимая стена. Если б я знал все сразу... я бы ни за что не отпустил ее погостить к сестре, в Александрию! Но я был тогда в отпуске, мог побыть с Криспом, а она так просила!..

Марцелл помолчал, успокаиваясь, и прерывистым голосом продолжил:

- А через месяц мне сообщили, что моя жена, после страшных мучений казнена в Александрии, как... христианка! Я выяснил и узнал всё... Оказывается, за время моего отсутствия, ее обманом вовлек в свою веру пресвитер Нектарий! Подумать жутко: моя Аврелия вместе с этими безумцами кланялась ослиной голове и приносила в жертву невинных младенцев!

- Прости, Марцелл, - осторожно возразил Скавр.

- Я тоже всякое слышал о христианах, но, общаясь с ними на рынке, в лавках, не могу сказать о них ничего худого. Больше того - я предпочитаю иметь дело именно с ними, потому что не помню ни одного случая обмана или жульничества с их стороны. Нет - было. Один раз... Но на следующий же день, обвесивший меня зеленщик, принес извинения и возместил ущерб вчетверо!

- Что, конечно, ты утаил от меня? - беззлобно уточнил Марцелл.

- Было дело!.. - виновато улыбнулся Скавр и снова стал защищать христиан: - Да, они все делают на своих собраниях в тайне. Но сам рассуди, как они могут пить кровь младенцев, если им запрещено вкушать даже кровь животных? А что касается ослиной головы, так они просто смеются, что мы верим в это!

- Послушать тебя, так ты сам христианин!

- Нет, как бывший воин, я поклоняюсь Митре, и привык говорить только правду!

- За это я и взял тебя управляющим! - согласился Марцелл.

- Как и за то, что мне рекомендовали тебя, как самого исполнительного человека в этом городе. А теперь о главном. Пошли в комнату!

Крисп услышал скрип половиц... грохот упавшего медного таза...

- Я ничего не вижу, Марцелл! - воскликнул Скавр.

- Ну, так сходи за фонарем! - посоветовал отец.

- А я пока постою здесь...

Одни шаги - чужие, неповоротливые, начали удаляться, другие - легкие, родные, приблизились так, что Криспу стало нечем дышать...

...Крисп весь обратился в слух, боясь упустить хотя бы одно слово.

... Марцелл сделал несколько шагов и остановился у разделявшего его с сыном поставленного на бок родительского ложа. Судя по легкому позвякиванию золотого перстня по дереву и сдавленным стонам, Крисп понял, что он, плача, гладит его.

Дыхание отца становилось все тяжелее, громче, и он, наконец, дал волю своим чувствам, чего не мог позволить себе на людях. Так река прорывает плотину... туча, нависшая над городом, рождает грозу...

Первый раз в жизни Крисп слышал, как плачет отец. Он уже не гладил - колотил кулаками мебель, и захлебываясь рыданиями, повторял:

- Как ты могла? Как ты могла?.. Но ты не виновата! Это - все он... Он!! Ты попала в его сети! Я долго терпел... Но теперь у меня, наконец, появилась возможность отомстить! И я - отомщу!..

Крисп слушал и тоже беззвучно плакал. Сердце его разрывалось. Отец проклинал то, что было ему дороже всего на свете, даже самой жизни! Он вдруг вспомнил, как мама впервые привела его к отцу Нектарию, как тот крестил его, рассказав о Христе... Когда отец бывал в отъездах, они по воскресеньям ходили на службу, а если был дома, мама умоляла его не выдать их... Несколько раз имя Господне уже готово было сорваться с его уст, но мама бдительно зажимала ему рот или успевала предупредить знаком. Потом она заверяла, что отец обязательно, по их молитвам, сам придет ко Христу, а пока нужно терпеть и молчать, чтобы по неведению, преждевременным гневом он не погубил всего. Однако время шло, не стало мамы, а отец по-прежнему не признавал Христа...

Но не может ведь так продолжаться вечно! Что, если с отцом что-то случится, и он так и умрет язычником, навеки погубив свою душу?..

«Господи! - взмолился Крисп. - Ведь он же хороший, добрый, помоги ему!»

Он уже готов был выскочить из угла, подбежать к отцу и успокоить его, сказав всю правду о Христе, отце Нектарии, маме, за которую нужно теперь только радоваться!..

Но в этот момент за дверью снова раздались грубые солдатские шаги. А после этого он услышал то, что заставило его позабыть о своем намерении.

Сначала на потолке, словно зарницы - предвестницы молний - заиграли сполохи от внесенного управляющим фонаря. Потом отец уже уверенным, только чуть тише обычного, голосом сказал:

- То, что ты услышишь сейчас, не должен знать больше никто. Это - государственная тайна, за разглашение которой одно наказание...

- Смерть?

- Да! Но я вынужден открыть ее тебе, чтобы ты смог в точности выполнить мое указание. Здесь...

- Крисп услышал, как отец похлопал ладонью по своей кожаной дорожной сумке, - находится императорский эдикт, который я должен развезти по провинциям. Содержание его в деталях мне неизвестно, но я знаю, что, согласно ему, скоро начнется уничтожение всех, кто откажется принести жертву гению императора.

- В первую очередь, христиан, которые не станут поклоняться никому, кроме их Бога?

- Именно!

Крисп весь обратился в слух, боясь упустить хотя бы одно слово.

- Так вот, - повысил голос отец.

- Ты должен сделать все, чтобы мой заклятый враг... этот Нектарий, не избежал пыток - самых страшных пыток, Скавр, и казни! Запомни: где бы он ни был, куда бы ни ускользнул, твоя задача - найти и выдать его властям!

- Будь спокоен, Марцелл! Скажи только, когда состоится жертвоприношение? - деловито осведомился управляющий.

- Не могу. Этот день известен лишь императору и самым близким из его окружения.

- С одной стороны, это не удобно для меня, а с другой хорошо - Нектарий ведь тоже не знает его! - вслух рассудил управляющий.

- А какие будут указания по хозяйству?

- Никаких! - отрезал Марцелл. - Меня сейчас волнует только Нектарий и мой сын, которого, кстати, я забираю с собой!

- Криспа? Ты не доверяешь мне?!

- Что ты, Скавр! Разве тогда я открыл бы тебе государственную тайну?

- Но зачем ты увозишь сына?

- А это уже моя личная тайна... Я подозреваю, что он - тоже христианин!

Услышав это, мальчик вздрогнул, как от удара. Но нет, он не ослышался: отец продолжал:

- После смерти жены он стал для меня самым дорогим, что только есть в жизни, дороже самой жизни! И я боюсь, что он последует примеру Аврелии. Ведь он упрям и доверчив, как мать! Я решил взять его, с одной стороны, чтобы спасти от смерти, а с другой, надеясь образумить и напугать видом пыток на обратном пути! А теперь идем. Пришли-ка его ко мне, чтобы я велел ему собираться в дорогу!

5

- Со мною ведь тоже будет Божья благодать, правда? - прошептал Крисп.

Блики уже не зарницами - грозными молниями - заметались по потолку вслед за отцом и Скавром, и удалялись, вновь уступая место тьме.

«Как же теперь быть?.. Что делать?»

Крисп с трудом дождался, когда стихнут шаги, и вскочил на ноги.

«Надо скорее предупредить отца Нектария, всех наших!»

Больно ударяясь о мебель, налетев на бронзовый таз, он выскочил из дома и, забыв про осторожность, не оглядываясь на рабов, на зовущего его управляющего, толкнул калитку и помчался по улице к тайному месту, где собирались по воскресным дням христиане.

«За что они нас так? - задыхаясь, не мог понять он. - Ведь мы же никому не делаем зла!..»

Вот, наконец, и нужный дом. Он ничем не отличался от других домов. Кроме едва заметного изображения виноградной лозы с гроздью на воротах.

Привратник приветливо улыбнулся знакомому мальчику:

- Проходи!

Но тот с серьезным видом шепнул первую половину пароля:

- «Христос...

... посреди нас!» - отозвался привратник и подтолкнул мальчика: - Да беги же, а то опоздаешь!

Крисп знакомыми коридорами прошел к двери, ведущей в подвал, спустился по ступенькам и увидел, что привратник был прав: он поспел как раз к причастию Святыми Дарами.

Мальчик обвел глазами счастливые, просветленные неземной радостью, лица принимавших кусочки Агнца людей и, содрогаясь от мысли, что всем им, возможно, предстоит скоро погибнуть, причем, в самых страшных муках, бросился к отцу Нектарию.

Он хотел рассказать все, что подслушал, но пресвитер, хоть и понял по выражению его лица, что произошло нечто ужасное, невозмутимо сказал:

- Воздай сначала Божие - Богу!

Крисп широко раскрыл рот и благоговейно принял в себя... нет, не просто кусочек Святого Хлеба, а - Самого Христа! Он не пытался, как иные, понять, как может Бог, Который создал целую Вселенную и пред Которым трепещут небесные силы, войти в грешного человека, будь он мальчик, раб или сановник, причем не частицей, а весь - Небесный. Он просто знал, не пытаясь разобраться в этом умом, - что это действительно так. И Бог сейчас в нем!

- Ну вот, а теперь можно и кесарево - кесарю. Говори! - разрешил отец Нектарий.

- Я... мой отец и Скавр... там... - сбивчиво начал Крисп и выпалил: - Император издал эдикт, чтобы все принесли жертву его гению!

- Так... - задумчиво произнес священник. - Это означает только одно - массовые гонения на христиан! Несколько десятилетий императоры не трогали нас. Только некоторые ретивые язычники пытались искоренить нашу веру по местам, как, например, недавно в Александрии. А теперь во всем римском мире снова - начнутся пытки, мучения, казни...

- Выдержим ли мы их? - слышались встревоженные голоса. - Хватит ли у нас сил перенести так, как наши старшие братья-мученики?

- Сами, конечно, нет! - с кроткой улыбкой ответил пресвитер. - Но Господь Своей благодатью укрепит нас и даст силы претерпеть любые мучения. Со стороны это будет выглядеть чудом, глядя на которое, тысячи и тысячи людей уверуют во Христа. А для самих мучеников любая пытка превратится в радость, нет - в счастье от скорой встречи с Христом, который Своей

благодатью и утешит нас и утишит боль... Главное только нам самим не отступить об Бога, чтобы не лишиться этой благодати и небесных венцов!

- Со мною ведь тоже будет Божья благодать, правда? - прошептал Крисп, и отец Нектарий ласково погладил его по голове:

- Конечно! Ты с детства воспитан в благочестии и за тебя у самого престола Божьего, на небесах молится теперь твоя мама. А материнская молитва даже здесь, на земле из глубин моря поднимет и из огня спасет! Ты вот что еще скажи нам, - вопросительно посмотрел он на мальчика. - Гонения уже начались?

- Нет, эдикт сначала нужно развезти по провинциям! Все произойдет в один день, который знает только император и самые близкие к нему лица, - словами отца объяснил Крисп и с готовностью заглянул в глаза пресвитеру: - А хочешь, я выкраду у отца сумку и сожгу все эдикты? Деций уехал на войну, пока еще напишут новые, пока он утвердит их...

Отец Нектарий с улыбкой посмотрел на мальчика и отрицательно покачал головой.

- Ну, тогда разреши вскрыть только один, и хотя бы узнать день, когда всё начнется? - взмолился Крисп.

- Не могу - заповеди Господней никто не отменял! - развел руками священник.

- Мы обязаны чтить отца и мать, а не губить их. Ты подумал, что сделают с твоим отцом, если обнаружат взломанную императорскую печать?

- А я... я скажу, что взял поиграть его - эти эдикты всегда в таких красивых коробочках - и... поломал!

- Эх, Крисп, Крисп! - отец Нектарий потрепал мальчика по голове.

- Разве я учил тебя лгать? Разве не говорил, что, сказав неправду, ты перестаешь быть сыном Божиим и усыновляешься сатане? Ступай лучше домой!

- Не могу! - испуганно затряс головой Крисп. - Отец догадывается, что я христианин! Он ищет меня, чтобы забрать с собой!!

- Ступай с миром, он не сделает тебе зла! - улыбнулся пресвитер. - Поверь, ты очень много сделал для нас!

Тут раздались голоса, упрашивающие отца Нектария тоже сберечь себя и немедленно уехать в безопасное место:

- Иначе после окончания гонений город останется без пастыря!

- Кто утешит тогда оставшихся в живых?

- Кто наставит в вере и окрестит новых сестер и братьев?

- Кто будет проводить службы и совершать таинства?

- Иди же! - поторопил пресвитер, и Крисп так и не успел узнать, чем закончилось дело: ступенек вверх было так мало, а уговаривавших отца Нектария уехать «погостить» к брату в далекую Сирию, так много...

Глава вторая

1

...Крисп мог теперь только солгать в ответ...

Крисп сидел в курьерской повозке, рядом с отцом и, через отверстие в кожаном пологе, смотрел на звезды. Напротив спал толстый чиновник, который отвозил императорский эдикт на север. Еще один курьер, путь которого пролегал до Иберии^[3], как бывший центурион, предпочел ехать верхом, с сопровождавшими повозку охранниками. Им же с отцом предстояло побывать в восточных и южных провинциях.

Курьерам нужно было добраться до порта по суше, а там пересесть на служебные корабли. Выехали они поздно вечером и утром предполагали быть на месте.

Кучер, поторапливая лошадей, щелкал бичом, хотя мог и не делать этого: четверка каппадокийских гнедых и без того резво мчалась по широкой, мощенной булыжником дороге.

Иногда навстречу попадались тяжело груженные купеческие повозки, спешащие до рассвета достичь городов с их шумными рынками.

Спать не хотелось - слишком много событий произошло за минувший день. Разговор с отцом тоже не клеился и оживлялся лишь когда они обгоняли очередную когорту идущих на войну легионеров. Тогда отец начинал рассказывать о них столько интересного, что Крисп забывал все, что тяготило его сердце.

Оказалось, что первая когорта легиона состоит из самых крепких, рослых, выносливых воинов. Именно ей доверяли сохранность главного знамени римского войска: орла, и изображение императора. Она первой шла в наступление, а в обороне принимала на себя первый, наиболее тяжелый удар врага.

- Это ала! - объяснял отец, показывая на скачущих всадников, и Крисп думал, что не зря такие отряды называли «крыльями» - они, словно и впрямь крылья большой темной птицы, обгоняя их, проносились вперед.

Еще отец рассказывал о таранах, баллистах, других метательных машинах, очертания которых точно страшные, невиданные звери, проплывали мимо, когда они объезжали их. В свете луны поблескивали доспехи, наконечники копий, и он говорил, что воины должны часто чистить свое оружие и следить за панцирями и латами, потому что блеск оружия и доспехов внушает особенный страх врагу. Кроме того, легионеры несли на себе в походах длинный тяжелый кол для палаток и частокола вокруг лагеря в месте остановок, котелок, корзинку с запасом еды на несколько дней...

- Всего вместе с оружием - чуть меньше, чем вешишь ты! - улыбался отец.

Крисп тоже отвечал улыбкой.

А после вновь наступало тягостное молчание и мальчику казалось, что они с отцом были гораздо ближе там, в старом доме, через перегородку, чем здесь, хотя и сидели плечом к плечу, тесно прижимаясь друг к другу. Отец тоже чувствовал эту стену и, словно тараном, бил ее неуклюжими шутками, метал через нее, как из катапульты, вопрос за вопросом, но все было тщетно... Разговор не получался.

Вдруг он спросил то, от чего им обоим стало не по себе:

- А чем ты занимался вчера утром, что я не видел тебя, вернувшись домой?

- Я?.. - мгновение помедлил Крисп и честно ответил: - Молился!

- Да? - деланно удивился Марцелл.

- Что-то я давно не видел тебя около статуй наших богов! Или ты забыл, сколько добра они сделали нашему роду?

- Смотри, какая чудная повозка!

- Крисп, отвлекая внимание отца, показал на выплывшую из предрассветной дымки громоздкую телегу с колесами, выточенными из одного бревна, которую уныло тащили за собой волю. Восседавший сверху крестьянин испуганно тарачился на императорский вымпел над их пологом.

- Он, наверное, принимает нас за самого Деция!

- Возможно! - рассеянно кивнул Марцелл, не желая менять тему разговора: слишком важна была она для него.

- И мой отец - твой дед, и деды моих дедов, все поклонялись олимпийским, а после - римским богам! Да и как может быть иначе?

«Может! Может, отец! Ты только приди и посмотри... приди и виждь!» - мысленно возразил Крисп, но вслух спросил:

- А как называют воинов, которым доверяют носить орла?

- Так и называют - орлоносцы! И я, твой отец, сколько себя помню, с самого детства, приношу жертву им и гению императора.

- А как называется тот, кто носит перед войском его изображение?

- Иммагинарий! - машинально ответил Марцелл и вспыхнул: - Неужели тебе даже не интересно слушать об этом? Что ты улыбаешься?

- Да так...

- Нет, как отец, я желаю знать, о чем думает мой сын!

Крисп якобы покорно, но на самом деле, чтобы утаить хитринку во взгляде, наклонил голову и, как школьник учителю, ответил:

- Я просто вспоминаю, как наш раб при переезде в новый дом отбил полголовы у родового Юпитера, и думаю, как же он, «бог», мог допустить такое бесчестие?

Горячась, Марцелл стал говорить о своих богах, ссылаясь на авторитеты всех времен и народов, начиная с Гомера и кончая нынешним императором, однако вскоре потерял нить мысли и махнул рукой:

- Фу ты, совсем запутал меня! О чем мы с тобой говорили?

- Об орлоносцах! - с готовностью подсказал Крисп.

- Нет, раньше!

- Об этом, как его... имма-гинарии!

- Еще раньше!

- О... вчерашнем дне!

- Вот-вот! - обрадовался отец.

- Я и говорю, что без уважения к богам, ты совсем отбился от рук! Где ты был, к примеру, вчера, что ни я, ни Скавр не могли сразу найти тебя?

Как назло, хотя уже окончательно рассвело, на всей дороге, насколько хватало сил у взгляда, не было ни всадников, ни легионеров, ни даже захудалой повозки...

Крисп мог теперь только солгать в ответ. Но он вдруг вспомнил слова Нектария и не захотел усыновляться сатане. Он покорно склонил голову и прошептал:

- Сначала я был в нашем старом доме, когда вы разговаривали в нем со Скавром...

- Как! - ошеломленно уставился на него Марцелл.

- И ты... слышал все?!

- Да, отец...

- А потом?

- Потом... побежал к отцу Нектарию.

- Что-о-о?! И ты...

- Да, я предупредил наших об эдикте Деция... И даже предложил выкрасть его или хотя бы узнать дату!

- И ты не боишься признаться мне в этом?!

- Но ведь ты сам учил меня говорить правду!

- Д-да... - выдавил из себя Марцелл, хотя весь его вид говорил, нет - кричал: «Но не всегда же, и не в такой степени!»

«До чего же они разные - мой отец и отец Нектарий, даже когда речь идет об одном и том же!»
- поразился Крисп.

Марцелл вздрогнул, потянулся к дорожной сумке, но Крисп остановил его:

- Не беспокойся, там все на месте! Отец Нектарий запретил мне делать это...

Марцелл словно бы колебался: поверить сыну или же убедиться в сохранности императорских эдиктов, среди которых было немало других, в том числе особо секретных... Он долго молчал, и Крисп не торопил его. Он понимал, как трудно сейчас отцу.

После того, как все было рассказано, он почувствовал вдруг такую легкость, что, казалось, птицей мог взмыть над повозкой. Но вслед за этим, словно испугавшись, как бы он и впрямь не сделал этого, события минувшего дня всей тяжестью навалились на его ресницы. И когда отец, очнувшись, тихо спросил:

- Но почему?!

Ответа не последовало - Крисп уже спал...

2

Марцелл вдруг осекся на полуслове и замер...

Крисп спал так долго и крепко, что даже не слышал, как они прибыли в порт. Проснулся он оттого, что повозка стояла. Рядом не было ни отца, ни спавшего всю дорогу толстого курьера. Выглянув из-под полога, он увидел не холмы с деревьями, а море и паруса кораблей.

- А где отец? - крикнул он проходившему мимо кучеру.

- Господа курьеры у начальника порта! - откликнулся тот и подмигнул: - Пошли узнать кому на каком судне плыть!

Крисп торопливо выбрался из повозки, с любопытством огляделся вокруг и стал смотреть на корабли, пытаясь угадать, на котором из них поплывут они.

- Хорошо бы во-он на том! - мечтал он, любясь самым большим и красивым, с деревянным кентавром на носу.

- Или вот! - уже нравился ему другой, военный. - Нет - на этом!!

На его плечо неожиданно легла тяжелая ладонь. Крисп испуганно вздрогнул, но, оглянувшись, увидел отца.

- Проснулся? - приветливо, словно и не было ночного разговора, улыбнулся тот: - Идем!

Вместе с двумя курьерами и важным господином, как понял Крисп - начальником порта, в сопровождении охранников, они направились к причалу.

Путь их пролегал через выложенную каменными плитами площадь. Несмотря на огромные размеры, переполненная суетящимися людьми, заставленная тележками, бочками, тюками, да еще и превращенная в рынок, она была похожа на растревоженный муравейник. Только и слышалось:

- Дешево вожу грузы!

- Колбасы! Горячие колбасы!

- Подайте потерпевшему кораблекрушение!..

- Держите вора!

- Антоний! Кто видел Антония из Селевкии?..

Начальник порта явно чувствовал себя в этой давке, как рыба в воде, уверенно держась

выбранного направления. Курьеры едва поспевали за ним. Марцелл с Криспом замыкали шествие, и им было труднее всех. Если бы не локти отца, защищавшие его от толчков, Криспу пришлось бы совсем туго. Помятый, оглушенный, он уже не чаял выбраться с площади.

Наконец, они дошли до причала, куда пропускали не всех. Здесь каменные плиты круто обрывались, и между ними и стоявшими на якорях кораблями, плескалась вода.

- Этот наш? - нетерпеливо спросил Крисп, когда они остановились у «Кентавра». Но не успел отец ответить, как к трапу направился курьер, ехавший всю дорогу верхом.

- Тогда тот? - указал Крисп на стоявший за небольшим судном «Тень молнии» могучий военный корабль.

Каково же было его разочарование, когда отец стал прощаться с начальником порта именно у этой «Тени молнии!»

- Не гляди, что он с виду меньше других! - посоветовал отец, когда они поднимались по ускользавшим из-под ног ступенькам трапа.

- Это один из самых быстроходных кораблей римского флота! Правда, капитан у него на редкость жадный и мстительный человек, но если с ним не связываться, то наше плавание может стать прекрасным морским путешествием!

- Ага-а!.. - пропуская мимо ушей это замечание, с завистью покосился на возвышавшегося рядом «Громовержца» Крисп.

- Другим курьерам - военные дали!

- И что хорошего? - усмехнулся отец.

- Поплывут простыми чиновниками при строгих легатах. А мы - хозяевами!

Действительно, капитан корабля поприветствовал отца римским салютом, как боевого командира, и отдал ему рапорт.

Мальчишки всегда мальчишки, а море есть море. «Тень молнии» так увлекла Криспа, что вскоре он позабыл даже про эдикт императора Деция...

За два часа из трех, оставшихся до отплытия, он обежал корабль несколько раз от носа до кормы, и все равно находил еще что-нибудь новое. Он узнал, что малый передний парус называется долоном, а нос корабля с украшением - акростолием, познакомился с экипажем, успел даже подержаться за весла, поразившие его своей неповоротливой тяжестью.

В конце концов, он выбрался на капитанский помост и огляделся вокруг. Какой смешной и жалкой казалась теперь портовая площадь! Лишь возвышавшаяся над ней статуя Нептуна с трезубцем привлекла его внимание, да и то не надолго. Увидев, что наверху разглядывать больше нечего, Крисп быстро нырнул в трюм.

Тем временем, к Марцеллу подошел капитан - чернобородый испанец, по имени Гилар. Легкой, бесшумной походкой, быстрыми движениями глаз он удивительно соответствовал названию своего судна. Вот и сейчас, Марцелл даже не заметил, как тот оказался за его спиной. Только увидел присоединившуюся к своей приземистой - долговязую тень и услышал просительный, с заметным акцентом, голос:

- Есть выгодные попутчики, Фортунат! Как ты смотришь на то, чтобы принять их на борт?

- На курьерском судне это запрещено! - строго напомнил Марцелл.

- К тому же у меня секретный эдикт.

- Но... они обещают неплохо заплатить! Выручку - как всегда, пополам!..

Марцелл отрицательно покачал головой.

- Нет?! Что это сегодня с тобой? - с досадой посмотрел на него Гилар.

- Ты же всегда шел на это!

- Потому что до этого плавал один! - отрезал Марцелл.

- А теперь со мной сын, и я не могу рисковать собой, будь этот попутчик богаче самого Креза^[4]...

Марцелл вдруг осекся и замер на полуслове. Взгляд его, равнодушно блуждавший во время разговора по пристани, остановился на высоком седом человеке, в темном строгом плаще, который что-то спрашивал у матросов «Кентавра».

Марцелл несколько мгновений ошеломленно молчал и, вновь обретя дар речи, быстрым движением руки, на которое не был способен даже Гилар, указал на него:

- Узнай... куда нужно этому старику?

- Хорошо... - недоуменно пожал плечами капитан, подозвал помощника и передал указание курьера.

С высоты борта Фортунату было хорошо видно, как моряк вразвалку подошел к человеку в плаще и стал расспрашивать его. Как тот, отвечая, показал рукой в море, на юг...

Медленно, ох, как медленно посланный возвратился к «Тени молнии» и прокричал:

- В Селевкию на Оронте!

Это было им более, чем по пути!

- Послушай, Гилар! - облизнул пересохшие губы Марцелл и, забывая все, что только что говорил капитану, сказал: - Возьми этого старика. Даже, если у него нет денег!

- А что же тогда остальные? - вкрадчиво спросил Гилар. - Они ведь могут из зависти, что мы взяли только его, донести на нас!

- Так, значит, возьми и их!.. Но чтобы этот старик непременно был на нашем судне! Слышишь? Сейчас! Немедленно!!

... В трюме Криспу было не менее интересно, чем наверху. Он узнал, что комната, в которой они будут жить с отцом, называется каютой, а весь корабль обшит свинцовыми пластинами.

- Отец! Знаешь, что я там уви... - закричал он, выскакивая на палубу, и, так же, как Фортунат несколькими минутами раньше, застыл, не в силах произнести ни слова. По ступенькам трапа,

придерживая рукой полу длинного плаща, на их корабль поднимался... отец Нектарий!

3

Все было ясно: отец нанял себе шпиона...

Над Эгейским морем шел дождь.

Ветер, пригнавший непогоду, порывами налетал на курьерское судно. Парус то выгибался дугой, словно стремясь сорваться с реи и помчаться вслед за низкими тучами, то бессильно болтался, отяжелев от воды. В конце концов, капитан приказал матросам убрать его, и за весла взялись гребцы. Под мерные хлопки задававшего ритм келевста^[5], они принялись за свою нелегкую работу.

Прошло больше суток, как «Тень молнии», принеся в жертву Нептуну амфору с вином, вышла в открытое море, а Криспу до сих пор не удалось поговорить с отцом Нектарием.

Когда он увидел его на судне, то сразу бросился к нему. Но добежать до пресвитера ему не удалось. На полпути между ними вырос Марцелл. Ни разу в жизни Крисп не видел отца таким...

- А ну, стой! - больно схватил он за руку сына и, свистящим от злобы шепотом, предупредил: - Я запрещаю тебе подходить к этому... - отец даже не смог сразу найти подходящее слово. - Этому смутьяну! Узнаю - прикажу заковать его и держать в трюме до того самого дня, который ты так хотел выдать ему!

После этого Марцелл разрешил капитану принять на борт попутчиков и велел выделить в его распоряжение одного из самых расторопных членов экипажа. Гилар понимающе кивнул, на судно поднялись обрадованные люди, а к Марцеллу подбежал бойкий киликиец. Это был худощавый юноша, чернявый и смуглый, как все малоазийцы, всего на год-другой старше Криспа.

- Юнга Максим! - уродуя латынь варварским акцентом, отрапортовал он и впился глазами в начальника над самим капитаном!

Марцелл придирчиво осмотрел юношу и, насколько знал своего отца Крисп, остался доволен.

- Чем ты занят на судне? - строго спросил он.

- Уборкой палубы, слежу чтобы в чане всегда была чистая питьевая вода, - принялся перечислять юнга. - И еще смотрю с мачты на море, нет ли пиратов...

- Какие теперь пираты! - усмехнулся Марцелл.

- Это раньше они были, как правило, а теперь, как исключение! Хочешь заработать? - спросил он, показывая серебряную монету.

Никогда Крисп не встречал в людях такой жадности к деньгам.

Глаза юнги вспыхнули, он облизнулся и всем телом подался вперед, в готовности выполнить любую команду.

Однако Марцелл зажал монету в кулаке и кивнул на келевста, подгонявшего плетью

нерадивых гребцов:

- А получить десяток-другой ударов?

Юнга, не сводя глаз с кулака, отрицательно затряс головой.

- Тогда, если хочешь получить денарий и не быть битым, - понижая голос, продолжил отец, - слушай меня внимательно...

Что именно поручил он юнге, Крисп разобрать не смог. Но вскоре и так все стало ясно. Едва отойдя от Марцелла, юнга сразу начал следить за отцом Нектарием. Он то и дело проходил мимо него или заговаривал с кем-нибудь поблизости, беспрестанно поглядывая в сторону пресвитера, а после и вовсе забрался в марсовую бочку на рее, откуда весь корабль был, как на ладони.

Все было ясно: отец нанял себе шпиона, чтобы знать о каждом шаге ненавистного ему врага. И он не ошибся в выборе. Юнга отработывал обещанную награду так старательно, что лишал Криспа всякой надежды поговорить с пресвитером. А ему так важно было сказать отцу Нектарию, что отец знает все и посоветовать бежать, когда тот отправится в ближайшем порту относить эдикт императора наместнику провинции.

Но шел час за часом. Марцелл почти не уходил с кормы корабля. Даже когда он ненадолго спускался в каюту, на палубе оставались его глаза и уши - юнга Максим, для которого, казалось, не существовало ни сна, ни усталости...

И Крисп стоял на капитанском помосте, делая вид, что смотрит в морскую даль, как настоящий наварх^[6], а на самом деле искоса наблюдая за отцом Нектарием, который, вместе с остальными попутчиками, прятался от дождя под навесом, на носу корабля.

Всего каких-то два десятка шагов разделяло их, но запрет отца и зоркий взгляд юнги делали это расстояние большим, чем до невидимого берега.

Несколько раз Криспу удалось встретиться глазами с отцом Нектарием. Тогда он отчаянным взглядом показывал на прикрытые кожаным пологом лавки гребцов, где можно было переговорить накоротке, пока юнга спустится с реи. Но пресвитер или не понимал его, или делал вид, что не понимает - всякий раз он лишь приветливо улыбался и чуть приметно делал рукой благословляющий знак.

Терпение Криспа стало иссякать.

«Будь, что будет! - решил, наконец, он. - Как только отец Нектарий снова посмотрит на меня, крикну, что мне срочно нужно сказать ему что-то очень важное!»

Но пресвитера, как нарочно, заслонял игравший в кости с соседом тучный купец.

Время, казалось, стало измеряться испорченными песочными часами, в которых забилося отверстие...

Крисп был в отчаянии. И когда он решил, что никто и ничто уже не может помочь ему, помощь вдруг пришла. Причем, как это нередко бывает, с той стороны, откуда он никак не ожидал ее!

Глава третья

1

- Ну и в чем тогда твоя беда? – засмеялся Плутий.

...Помощь Криспу пришла в виде одного из пассажиров «Тени молнии», улыбчивого остроносого человека, который, неизвестно как, появившись рядом, участливо спросил:

- Почему так невесел наш капитан?

- Я не капитан! – хмуро возразил Крисп, но незнакомец не отставал.

- Как! Разве место, на котором ты стоишь – не капитанский помост? – уже с хитринкой на губах, уточнил он.

- Почему же? Помост...

- А разве может находиться на нем кто-либо, кроме капитана?

- Нет...

- Вот видишь, значит, ты и есть капитан! – торжествуя, воскликнул незнакомец.

- Ну... пусть не сегодня и даже не завтра, но в будущем непременно станешь им! И это так же верно, как то, что ты Крисп, а я – Плутий Аквилый, рад познакомиться!

Крисп с интересом посмотрел на необычного пассажира, но тут же вспомнил про отца Нектария, вздохнул и хмуро спросил:

- Кто ты?

- Я? – Плутий Аквилый выдернул из кармана платок и стал закрывать и открывать им лицо, каждый раз изменяя его до неузнаваемости: - Я – царь и раб... философ и купец... богач и нищий... я – поэт и воин! Ну, как?

- Похоже... Как это у тебя получается?

- Это не я – это мой волшебный платок!

Крисп невольно улыбнулся, чего, очевидно, и добивался незнакомец. Расположив к себе таким образом мальчика, он уже с сочувственным видом спросил:

- Так что же...

Юнга с медным ведром и тряпкой, словно случайно проходя мимо них, прислушался, но не обнаружив ничего подозрительного, к тому же Марцелл приказал следить только за тем, чтобы его сын не встречался с христианским жрецом, старательно начал мыть палубу.

- ...что так заботит тебя? – закончил Плутий.

- Да так!.. – с досадой отмахнулся Крисп.

- И все-таки?

- Ну... я хочу...нет - должен поговорить с одним человеком, а мне не дают! Точней, не дает!

- Этот? - одними глазами показал на юнга Плутий Аквилый.

- Он... - со вздохом опустил голову Крисп.

- А кто же тот человек?

Крисп метнул на Плутия настороженный взгляд, но тот успокаивающе улыбнулся:

- Не бойся меня! Наблюдая за тобой со стороны, я давно уже все понял. К тому же я, только тс-сс... - тоже ваш - так сказать, нищий духом, и алчущий... Это - отец Нектарий?

- Да...

- Ну и в чем тогда твоя беда? - засмеялся Плутий.

- Тебе просто нужно написать ему письмо и сообщить все, что ты хочешь сказать! Или договориться о тайной встрече, скажем, сегодня ночью, когда юнга уснет!

- Написать легко, а как передать? - с горечью усмехнулся Крисп.

- Неужели на императорском курьерском судне нет ни одного почтальона? - деланно возмутился Плутий и ударил себя кулаком в грудь. - Так знай, с этой минуты он есть. И это - я!

Крисп с надеждой посмотрел на него, и тот задумался вслух, искоса поглядывая на мальчика:

- Дело за малым - где бы нам теперь найти клочок папируса и чернила с каламусом?..

- Все это у меня есть, в каюте!

- Так идем скорее туда!

- Нет, тебе нельзя! - покачал головой Крисп. - В нашу каюту отец не разрешает входить даже Гилару!

- Идем! - настойчиво повторил Плутий, не давая ему даже опомниться. - Марцелл занят. Ты только взгляни на него! Он и не заметит ничего...

Крисп посмотрел на отца. Тот действительно вел какие-то денежные дела с капитаном, и весь был поглощен этим разговором.

- Ладно, пошли! - согласился он и повел за собой Плутия, который ему очень понравился.

Как здорово показал он царя, раба, воина и теперь изображает заботливого почтальона! Одно только не понял Крисп: кем же на самом деле был этот загадочный, так вовремя пришедший ему на помощь, Плутий Аквилый?.. Но искать ответ на этот вопрос уже не было времени.

2

...глаза Плутия Аквилия вспыхнули, в них загорелись хищные огоньки.

Без отца, в присутствии незнакомого человека, Криспу стало как-то не по себе в своей привычно-уютной каюте. Торопясь, он нашел клочок папируса, чернильницу, но, обмакнув в

нее тростниковую палочку-каламус, задумался. До этого все было просто и ясно – главное встретиться с отцом Нектарием. А сейчас он даже не знал, что сказать ему. Готов был написать письмо, но... о чем? Предупредить отца Нектария, что его отцу все известно? Уговорить бежать вместе с ним в ближайшем порту? Или... попросить пресвитера поговорить с отцом так, как может только один отец Нектарий, обративший ко Христу тысячи людей?..

Пока Крисп мучительно размышлял, Плутий Аквиллий оглядывался по сторонам цепким взглядом. На словах он поторапливал юношу, но на деле явно что-то выискивал, то и дело спрашивая: а это у вас что такое? А вон то что за вещь?..

- Ящик с письменными принадлежностями... отцовский журнал... - рассеянно отвечал Крисп. - Сумка с императорскими эдиктами...

При упоминании об эдиктах глаза Плутия вспыхнули, в них загорелись хищные огоньки. Но юноша не заметил этого. Склонившись над папирусом, он, наконец, вывел:

«Отец Нектарий, нам очень нужно встретиться сегодня ночью. Время и место вам сообщит податель сего письма. Крисп.»

- Отлично! - похвалил Плутий Аквиллий, прочитав написанное. - Слог и почерк - любой чиновник позавидует. Готовый государственный документ. Только печати не хватает. Ну, это сейчас мы исправим!

Он потянулся было к сумке Марцелла, но Крисп испуганно схватил его за руку:

- Ты что?! - забывая про осторожность, громко воскликнул он. - Знаешь, что будет отцу за пропажу императорской печати?!

- А кто тебе сказал, что она пропадет? Я могу сделать так, что она появится на твоём письме, и при этом останется на эдикте! Не веришь? Вот гляди, раз, два... - Плутий достал свой «волшебный платок», приготовился накрыть им сумку и уже сказать: «Три!», как на пороге каюты появился радостный, очевидно, собиравшийся сообщить что-то очень приятное сыну, Марцелл...

3

Крисп зажмурился от ужаса...

- Кто это? - увидев в своей каюте незнакомого человека, быстро и резко спросил Марцелл.

- Я... мы... - сбивчиво начал было Крисп, но отец даже не стал и слушать его.

- Я спрашиваю, как он оказался здесь! Почему в нашей каюте - посторонний? - Он оглянулся, явно намереваясь позвать стражу, но Плутий Аквиллий сделал шаг вперед и, с почтительным поклоном, протянул ему... послание к отцу Нектария!

Марцелл взял канделябр, чтобы ярче осветить написанное.

Крисп зажмурился от ужаса... Он ожидал самого страшного, но вместо этого неожиданно услышал деловитое бормотание отца:

- Легация... выдана чиновнику по снабжению восточных провинций... так, это нам не надо... Плутию Аквиллию, в том, что он... впрочем, это тоже не важно...

Не веря собственным ушам, Крисп взглянул на отца и теперь не поверил своим глазам. Его лист папируса каким-то непостижимым образом превратился в подорожный документ, который, уже не так строго поглядывая на Плутия, изучал вслух Марцелл!

- ... все лица, ответственные за обеспечение... ну, это мы тоже пропустим... обязаны предоставлять ему ночлег, питание и оказывать всяческое содействие... подпись... печать - все верно! - закончив читать, вернул он легацию Плутию. - Но что ты тут делаешь?

- Прости, господин! - с виноватой улыбкой спрятал документ Аквилей. - Скоро порт, мне нужно было составить небольшое донесение своему начальству, а папируса и письменных принадлежностей, как назло под рукой не оказалось. К счастью, твой достойнейший сын, узнав о моей нужде, любезно согласился помочь мне, и...

- Надо было попросить об этом меня или капитана! - недовольно прервал его Марцелл.

- Как я мог беспокоить чиновника столь высокого ранга! - всплеснул руками Плутий Аквилей. - Ты и так выручил меня, приняв на борт курьерского судна. А отвлекать триерарха во время плавания - значит, лишний раз подвергать бесценный груз императорской почты и пассажиров опасности!

Марцелл не нашел что возразить на такие слова. Вспомнив про эдикты, он повернулся к сумке, быстро пересчитал свитки, проверил печати... Убедившись, что всё на месте, он окончательно помягчел, но на всякий случай все же спросил:

- Крисп, это так?

Меньше всего уже ожидавший, что его будут о чем-то спрашивать и тем более не готовый к тому, что придется лгать, Крисп растерялся и промолчал.

- Крисп? - не понял Марцелл.

- Что, отец?

- Я спрашиваю, то, что сказал этот господин - правда?

Крисп с трудом, словно его шея вдруг стала каменной, кивнул. Но отца это не устроило.

- Не слышу! - повысил он голос.

Крисп внутренне сжался, мысль его лихорадочно заметалась в поисках выхода, однако времени на раздумье не было. Марцелл уже с возрастающим подозрением смотрел на сына. И тогда Крисп, пытаясь оправдать себя тем, что защищает отца Нектария и того же Плутия, не в состоянии противиться страху перед разоблачением, через силу выдавил:

- Да... отец!

Сказал, и... ничего не изменилось вокруг.

Морская пучина не разверзлась и не поглотила Криспа вместе с отцом и вынудившим его на ложь Плутием. С неба не обрушился черный смерч и не унес его за собой. Не поднялась над судном грозная волна, чтобы навсегда смыть его с лица земли...

Наоборот - всё также ярко горел, потрескивая фитилями светильников, канделябр... тихо плескалась о борт игривая волна... И Марцелл уже почти дружелюбно говорил Плутию

Аквиллию:

- Все в порядке. Можешь идти. Прости за то, что подверг тебя допросу – сам понимаешь, служба! А донесение свое можешь написать в капитанской каюте. Я отдам распоряжение Гилару!

Плутий Аквиллий незаметно подмигнул Криспу, давая понять, что их договор остается в силе, и вышел из каюты. Оставшись наедине с сыном, Марцелл, вспомнив то хорошее, с чем пришел, с улыбкой сказал:

- А ведь у меня приятная для тебя новость, сынок! Этот Плутий Аквиллий прав – завтра утром мы действительно приходим в порт. И не в какой-нибудь, а – в Афины! И у нас с тобой будет целый день на осмотр этого величайшего, после Рима, конечно, города всех времен и народов.

- Но, отец...

- И слушать ничего не хочу! Я проведу тебя по самым интересным и красивым местам, мы зайдем в лучшие лавки, посетим амфитеатр...

- Отец...

- ... Я куплю тебе всё, что попросишь, ты сможешь посмотреть на всё, что захочешь, отведать всё, что пожелаешь! Лучшая одежда, развлечения, яства!.. - не слушая, продолжал Марцелл. – Пойми, я хочу, чтобы ты знал, от чего отказываешься! Ведь боги или, как ты там говоришь – Бог, для чего-то же дали людям всё это!

Последние слова отца показались Криспу убедительными. Конечно, отец Нектарий, нашел бы, что ответить на это Марцеллу. Да так, что тот и думать забыл бы про своих богов! Но сейчас он бы далеко. К тому же, в голове Криспа вдруг мелькнула лукавая мысль.

Он быстро взглянул на отца и согласно наклонил голову:

- Хорошо. Я... согласен!

- Что? – с подозрением посмотрел на него Марцелл, никак не ожидавший столь быстрого согласия сына.

- Согласен! – повторил тот. – Но... при одном условии. Когда мы вернемся, ты поговоришь с отцом Нектарием. Я тоже хочу, чтобы ты знал, от чего отказываешься!

- И о чем я должен с ним говорить?

- Ни о чем! Тебе даже не нужно будет ничего говорить! Просто придешь и поглядишь... то есть, послушаешь!

- Ну, если так, то ладно.... Приду и посмотрю! – усмехнулся Марцелл.

-Правда? – обрадовался Крисп.

- Обещаю! Хотя, думаю, после нашего возвращения, в этом уже не будет никакой надобности! – предупредил Марцелл и протянул сыну золотую монету. – Бери! Это тебе – на мелкие расходы!

- Что это? – не понял тот, никогда не державший в руках ничего больше серебряного денария...

- Римский ауреус. На него ты и сам сможешь купить в Афинах все, что захочешь! Я выбрал для этого самую полновесную, красивую монету и подписал ее тебе на счастье. На счастье и держи!

Золото ослепительно красиво блестело, притягивая взгляд. На одной стороне был изображен император. На другой - стоящая в скорбной позе женщина. Над ней было написано - «Дакия». В те времена не было газет, и информацию черпали из монет. По ним узнавали, кто стал новым императором, над кем он одержал очередную победу, а также о том, что он заболел, выздоровел или наоборот... Судя по этому золотому, Деций только что победил Дакию. Крисп принял монету, удивляясь её приятной тяжести, поднес ближе к канделябру и с благодарностью оглянулся на отца. Прямо под суровым профилем императора Деция на ней и правда была выцарапана небольшая «F» - первая буква латинского слова «счастье»...

4

Наконец, показался и сам порт...

«Тень молнии» стремительно приближалась к Афинам.

О том, что скоро крупный порт и длительная стоянка, теперь можно было догадаться и без слов Плутия или отца.

Несмотря на ранний час, команда корабля повеселела. Оживились и пассажиры. Матросы приводили в порядок палубу, надраивали до красного блеска медные части судна. Повар, накормив всех раньше обычного, чистил большой котел на керамической плите у основания мачты. Гребцы более энергично, чем всегда, налегали на весла. И, тем не менее, келевст поторапливал их, хотя и не пускал в ход свой сыромятный бич.

Наконец, показался и сам порт, с видневшейся издалека статуей Афины, позолоченное копьё которой блеснуло в первых лучах восходящего солнца.

Капитан сказал что-то кормчему, и тот налег на рулевое весло, давая паруснику новый курс.

Одна за другой слышались команды:

- Убрать паруса!..

- Малый ход!..

- Налечь на вёсла!..

- Полный ход!

- Сушить весла по правому борту!

- Убрать весла!

- Отдать якорь!

И, наконец, самое долгожданное:

- Спустить трап!

Крисп шел следом за отцом, сжимая в кулаке подаренную монету. Всю ночь и утро он провел

неспокойно. У него было такое ощущение, будто кто-то столкнул его с высокой горы, и теперь он делал то, чего не надо было делать, и самое странное – был совсем не против этого! Он не мог понять, что происходит с ним, и это еще больше раздражало его. Закончилось всё тем, что, проходя мимо юнги, который, уже не глядя на него, старательно мыл поручни, Крисп вдруг вспомнил, сколько тот заставил его мучиться, ждать, страдать, и с такой злобой пнул медное ведро, что оно, разливая грязную воду, покатилося по палубе...

Марцелл шел впереди, и не заметил этого. Зато отец Нектарий прекрасно всё видел. Потеряв осторожность, он захотел окликнуть, вернуть Криспа. Но тот уже ступил на верхнюю ступеньку трапа, и пресвитеру осталось лишь проводить его запоздалым, не на шутку встревоженным взглядом...

Глава четвертая

1

Только теперь Крисп понял, что он натворил...

Все порты древности были чем-то похожи и существенно отличались друг от друга разве что размерами. В этом отношении Афины могли уступить, пожалуй, только Остийской гавани Рима.

Каких только кораблей не было здесь! Каких товаров не сгружали!..

Крисп ошеломленно оглядывался по сторонам, а отец с воодушевлением говорил:

- То, что ты видишь сейчас, лишь жалкое напоминание о былом величии этого города! Так ли здесь было, когда не Рим, а Афины были столицей всего мира? Купцы со всех концов Ойкумены^[7] почитали за честь доставлять в этот порт свои лучшие товары. А сейчас сюда привозят то, что остается от покорившего Элладу, а следом и весь мир, – Рима!

Но и то, что «оставалось», впечатляло.

Отец с сыном шли по огромной портовой площади, следом за охранником, который, как мог, расчищал путь. Второго охранника Марцелл оставил сторожить каюту.

Со всех сторон их теснил народ.

Торговцы съестным и разными заморскими диковинками на все голоса зазывали покупателей.

Оборванный моряк, держа в руках обломок корабельной доски, жаловался всем, что потерпел кораблекрушение, и просил милостыню.

Надсмотрщики, следуя за важным купцом, вели на городской рынок-агору, привезенных с далекого Эвксинского порта, рабов.

Несмотря на весь этот шум и толкотню, настроение Криспа стало постепенно подниматься. На ходу он приценивался к знаменитым греческим пирожкам – на меду, с козьим сыром и маслом, которые, горячие и действительно необыкновенно вкусные, тут же покупал ему Марцелл. Ему приглянулась красивая раковина с морских глубин, отец подарил ему и ее...

Единственное, что еще тяготило Криспа, это невнятное ощущение какой-то потери... Оно

усиливалось с каждым шагом, росло в груди, и, наконец, стало таким острым, что он даже приостановился, пытаясь вспомнить, что же... что он потерял? Раковина была на месте... Он ничего не брал с собой с корабля... «А не золотой ли ауреус, что не мудрено в такой толчее?!» – вдруг испугался он. Но монета была на месте. Он еще крепче сжал ее, и чувство утраты притупилось. А после этого сладко волнующие мысли, что он может теперь купить, если не всё, то многое, очень многое, вытеснили его совсем.

Он мог купить себе даже рабов! А что? Хотя бы вон тех: мальчика лет семи и девушку в грязном дырявом платке и с деревянной игрушкой в руке, которые держа за руки высокого мужчину, очевидно, их отца, ожидали своей участи в месте продажи рабов.

Крисп сказал об этом отцу и тут же устыдился собственного желания. Но было поздно. Обрадованный Марцелл без раздумий направился к торговцу рабами. Тот начал было возражать и что-то объяснять, показывая рукой на город. Но Марцелл назвал такую сумму, что купец сразу же перестал спорить, и надсмотрщики стали вырывать мальчика с девочкой из рук в отчаянии обнявшего их мужчины...

Только теперь Крисп понял, что он натворил....

- Отец! – умоляюще взглянул он на Марцелла.

- Хорошо! – поняв состояние сына, улыбнулся тот и высыпал в ладонь купца еще одну горсть серебряных монет. – Мы берем их – всех!

Крисп в порыве благодарности схватил отца за руку и поцеловал её... Тот ласково улыбнулся ему и велел охраннику отвести рабов на корабль, где сдать под надзор Гилару.

Воин знаками приказал рабам следовать за ним, но тут заплакал и стал упираться мальчик... Девушка что-то сказала ему, показывая глазами на Криспа. Он успокоился и рабы, наконец, с какой-то отчаянной надеждой оглядываясь на Афины, направились в сторону их корабля.

- Идем? – приветливо обратился к сыну Марцелл. Крисп радостно закивал и, не выпуская руки отца, пошел рядом, доверчиво прижимаясь к нему плечом. Такого в их отношениях не было уже несколько лет...

Толпа еще больше напирала на них, и теперь, растроганный едва ли не до слез, Марцелл сам зорко следил за тем, чтобы кто-нибудь случайно не толкнул его сына.

Так они добрались до здания, где размещался начальник порта.

У входа во дворец стояли высокие, ладные воины в красных плащах и красивых шлемах с оперением.

- Странно! – удивился Марцелл, увидев их.

- Откуда здесь преторианцы?

- Кто? – не понял Крисп.

- Личная гвардия императора! – с уважением в голосе объяснил Марцелл и, приказав подождать его, исчез за дверью.

Вернулся он неожиданно быстро, сопровождая невысокого полного военного с еще более

пышным оперением на шлеме и маленьким золотым мечом на груди. Почтительно кланяясь и благодаря, он довел его до лошади, помог забраться в седло, и только когда тот ускакал, вернулся к сыну.

- Сам Валериан, префект претория! - почтительно прошептал он и заявил: - Всё, все наши планы на сегодня меняются!

- Мы... возвращаемся на корабль? - не зная, радоваться или огорчаться такой новости, ахнул Крисп.

С одной стороны, он всем сердцем сопротивлялся тому, что предложил ему на корабле отец, а с другой, не менее жадно хотел этого...

Марцелл посмотрел на вытянувшееся лицо сына и подмигнул ему:

- Видно, не зря я старался, царапая на монете пожелание удачи. Она явно приносит тебе счастье!

- Мне? Почему?.. - удивился Крисп.

- Сегодня в Афины прибывает сам Деций! - значительно поднял указательный палец Марцелл и заговорщицки шепнул: - И мне удалось выпросить у Валериана приглашение на торжества, связанные с приездом императора! На двоих! Да, да, сынок! Ты идешь вместе со мной! Но... - Он придирчиво оглядел сына с головы до ног и нахмурился: - Сначала я должен достойно подготовить тебя к этому!..

2

Пир начался...

Крисп с отцом шли по улочкам древних Афин, по направлению от порта к центру бывшей столицы эллинского мира. Погода была солнечная, но не жаркая, наверное, это был один из прекраснейших дней в этом году.

Марцелл, всегда гордившийся тем, что в его жилах течет не только римская, но и греческая кровь, с жаром говорил, что по этим самым камням, где идут сейчас они, ступала когда-то нога великого Солона, мудрого Сократа, ученейшего Аристотеля. Здесь гремел своими речами красноречивый Демосфен. Вырезал из слоновой кости, украшая их золотом, свои неповторимые статуи Фидий. Учился и учил Платон. Бывали тут и Геродот, Гиппократ, Александр Македонский...

Криспу льстило, что он идет сейчас по стопам таких великих людей. Не всякий взрослый из его города удостаивался этого, не говоря уже о его ровесниках. Он все с большей благодарностью поглядывал на отца и уже понемногу поддакивал ему.

Словно по какому-то негласному соглашению, они ни слова не говорили о языческих богах, о которых все напоминало и говорило в этом городе, и о его вере. Лишь раз, увидев бродячего философа-киника, одетого в лохмотья и нагло просившего милостыню, согласились друг с другом, что самые несчастные люди те, у которых вообще нет веры. Счастье, что таких во времена величия Афин, и теперь в Риме, - были один-два на город, а то и целый народ, и, вполне по справедливости, они всегда вызывали общее недоумение и сожаление...

Время от времени Марцелл заводил Криспа в торговые лавки, где выбирал лучшую одежду для

сына и только потом уже - для себя. Затем они пришли в термы. Здесь отец приказал смуглым сирийцам-банщикам привести их в такой вид, чтобы им не стыдно было показаться перед самим императором.

Поначалу Криспу было как-то неловко, что они так старательно скребли, натирали душистыми благовониями его тело, то самое, которое он совсем недавно собирался отдать на мучения, а теперь почти что забыл об этом... Потом привык и уже сам, с удовольствием подставлял то руку, то ногу, пока неосторожный сириец случайно не порезал его...

- Ай! - вскричал, почувствовав острую боль Крисп.

Марцелл, вскочив с места, так сильно ударил банщика, что тот полетел в бассейн. А Крисп, хоть кровь почти сразу остановилась, долго не мог прийти в себя. И совсем не от боли или страха. Его поразила мысль: как же он собирался пойти на пытки, мучения, казнь, если не мог перенести даже такого пустяка! А может, всё это - не для него?..

Прямо из бассейна банщики перевели Криспа в небольшую комнату. Здесь, приятно щекоча голову, над ним защелкал ножницами умелый цирюльник.

Потом портной, придавая значение каждой складке, принялся облачать его в новую одежду...

Наконец, помытый, постриженный и одетый по последней моде, Крисп вышел в прохладный вестибюль терм. Когда его подвели к большому бронзовому зеркалу, то он не сразу узнал себя. На него глядел красивый стройный юноша с большими серьезными глазами. Рядом с ним, в белоснежной тоге с красными всадническими полосками, стоял как-то разом помолодевший отец.

Нежная одежда приятно ласкала тело. Ароматные мази придавали легкость и свежесть. Крисп шел и с изумлением замечал, что оказывается, в мире была и другая жизнь. Она бурлила, кипела, радовала всех вокруг. И, может, прав отец - для чего-то ведь дал её Бог людям?..

Единственным недостатком всего этого было только то, что оно почему-то не насыщало его до конца...

Сам Марцелл степенно вышагивал рядом, то и дело поправляя наградной браслет на руке и знак принадлежности ко второму по значимости всадническому сословию - золотой перстень на указательном пальце...

Они выглядели так, что встречные прохожие почтительно расступались и кланялись, уступая им дорогу.

Так они дошли до огромного дворца из белого мрамора, перед которым стояли вооруженные преторианцы.

Здесь уже им пришлось пропускать вперед важных господ в сенаторских тогах и золоченых доспехах.

Распорядитель пира отвел их почти в самый угол огромной залы. Место далеко не самое почетное, но зато отсюда очень хорошо было видно круглое возвышение-сцена, а самое главное - императорская ложа, вся утопавшая в пышных цветочных гирляндах.

Немедленно к ним подбежали рабыни и надели на головы праздничные венки из роз и фиалок.

Помещение быстро заполнялось гостями.

Вскоре, в сопровождении префекта претория Валериана, появился и сам император. Вместе с ним был его младший сын, которого Крисп сразу узнал по изображениям на серебряных монетах – цезарь Геренний Этруск. Это был болезненного вида юноша, чуть старше Криспа, судя по скучающему взгляду, явно тяготившийся всеми этими торжествами.

После долгих оваций и криков гостей, славящих императора и цезаря, Деций произнес короткую энергичную речь. Он заверил, что варвары, на войну с которыми он отправляется, будут беспощадно отброшены, истреблены, проданы в рабство и дал знак распорядителю пира.

В зале тотчас появились многочисленные слуги и повара, заставляя столики перед ложами всевозможными яствами.

Пир начался.

На помост в центре залы один за другим выбегали фокусники, акробаты, певцы и танцовщицы. Они показывали чудеса ловкости и силы, грации и красоты.

Крисп с интересом смотрел на них, хлопал вместе со всеми и с аппетитом пробовал все новые блюда, которые придвигал к нему отец. Единственное, от чего он решительно отказался – это от паштета из соловьиных языков. Он очень любил этих невзрачных с виду птиц с их удивительным пением и не смог заставить себя отведать традиционного блюда императорских пиров.

А в остальном, ему все больше и больше нравилось тут.

Когда на сцену вышел известный поэт и нараспев стал читать посвященную императору поэму, в зале воцарилась благоговейная тишина. Сам Деций слушал невнимательно. Он то и дело перешептывался с Валерианом и подзывал к себе кого-нибудь из легатов. Было видно, что император чем-то озабочен и лишь отдаёт положенную дань чествующему его городу.

Геренний Этруск уже откровенно зевал. Крисп, заметил это и, как это часто бывает в таких случаях, тоже невольно зевнул. Причем как раз в тот момент, когда на него посмотрел цезарь. Затем их взгляды встретились еще раз... еще... Цезарь недовольно покачал головой, давая понять Криспу, что ему надоела поэма, и тот согласно кивнул, но тут же, спохватившись – стихи ведь посвящены императору! – сделал серьезное лицо. Цезарь улыбнулся, и что-то сказал стоявшему за ним императорскому слуге в красном одеянии...

В это самое время поэт закончил свое чтение, и раздались новые рукоплескания и восторженные крики гостей.

Крисп хлопал, кричал вместе со всеми и даже не сразу понял, почему кто-то пытается его остановить. Оглянувшись, он увидел распорядителя пира, который почтительным тоном сказал, что его зовет к себе цезарь.

- Меня?! – изумился Крисп и вопросительно посмотрел на отца.

- Иди-иди! – подтолкнул его Марцелл. – Сама Фортуна улыбается тебе, сынок!

«А может, и мне, в награду за всё, что я пережил за последние годы...» - прошептал он, с надеждой и тревогой глядя вслед сыну, направившемуся за распорядителем пира к императорскому ложу...

Марцелл, узнав, что его зовет к себе император, страшно разволновался...

Цезарь Геренний Этрусск жестом пригласил Криспа присесть на краешек своего ложа и стал расспрашивать, кто он, откуда, по какой причине оказался в Афинах, и что ему нравится, а, может, и нет, здесь...

Криспу не могло не льстить, что он удостоился беседы с самим цезарем. Радость и гордость переполняли сердце, которое все быстрее колотилось в груди. Но, благодаря стараниям матери и отца Нектария, у него был такой характер, что его трудно было изменить в считанные часы. Даже перед сыном владыки римского мира Крисп не лебезил, не торопился с ответами, говорил всё, как есть, что особенно понравилось цезарю и не осталось незамеченным самим Децием.

Император, почти не переставая советоваться с военачальниками о планах предстоящего похода, благосклонно кивнул ему. Затем протянул персик и повернулся к сыну:

- Тебе, как предводителю римской молодежи - принцепсу ювентутис, давно уже нужен толковый помощник. Почему бы нам не сделать им... Как тебя звать, юноша? Крисп? Вот - Криспа! Он серьезен, умен, сразу видно, не корыстолюбив и честен, не то, что сыновья всех этих... - он брезгливо кивнул на пирующих сенаторов и, обращаясь к Криспу, сказал, как о уже решенном деле: - После нашего возвращения с войны, будешь жить во дворце и помогать цезарю. А теперь позови ко мне своего отца. Я лично хочу поблагодарить его за воспитание такого сына.

- Постой!.. - шепнул Геренний, придерживая за локоть Криспа. Помощник помощником, но, судя по всему, цезарю жилось так одиноко, что для него важнее было найти настоящего друга. И он, совсем, как простой мальчишка, с надеждой заглядывая в глаза Криспу, спросил:

- Мы ведь будем дружить с тобой, правда, да?

Криспу стало так жаль этого юношу, что все правила придворного этикета вдруг вылетели у него из головы, и он, называя цезаря по имени, с самой искренней теплотой ответил:

- Конечно, Геренний! Мы ведь - уже с тобою друзья!

Это еще больше понравилось цезарю, и он, тайком от отца, с неожиданной для его болезненного вида силой, пожал Криспу руку.

... Марцелл, узнав, что его зовет к себе император, страшно разволновался.

- Ты ничего не перепутал? Это такая честь... Я ни разу не удостоивался подобного... А может, он недоволен моей службой?

- Что ты, отец! - попытался успокоить его Крисп, но тот с испугом взглянул на него:

- Надеюсь, ты ни словом не обмолвился о своей...

Крисп сразу понял, что Марцелл хотел сказать «вере», но побоялся произнести это слово здесь вслух.

- Н-нет, отец... отрицательно покачал он головой, и, когда Марцелл ушел, несколько мгновений

рассеянно озирался вокруг, словно силясь понять, где он, как тут оказался, и что это с ним...

Но это продолжалось лишь считанные мгновения. Посеянные отцом семена быстро заглушили колосившееся уже золотом поле, которое так старательно возделывал в его сердце отец Нектарий...

Ловя на себе завистливые взгляды, слыша льстивые голоса, прознавших о его возвышении, вельмож, он гордо огляделся и выпрямил спину, как это подобает другу и помощнику цезаря, как знать, через несколько лет, может, и самого императора!

В мечтах о будущем, он возносился все выше и выше... Сенаторская тога, массивный наградной браслет, золоченый шлем легата, всё уже было на нем...

И когда он увидел себя, как Валериана, с маленьким золотым мечом префекта претория на шее, вдруг послышалось имя, от которого все его видения рассеялись, словно утренний туман... растаяли, как мираж в пустыне!

Оно было сказано возлежавшим на соседнем ложе человеком шепотом, но прозвучало для него громче грома...

«Христос»!..

Крисп вздрогнул, прислушался и, несмотря на то, что вокруг гремела музыка, и что-то кричали захмелевшие люди, еще отчетливее услышал:

«Христос!!»

Снова прислушался, и опять прозвучало:

«Христос!!!»

Возлежащие перед соседним столиком сенатор и всадник говорили о том, что еще вчера было для него роднее и важнее всего на свете: о Господе Иисусе Христе, о тайном эдикте Деция и предстоящих в неминуемо близком будущем гонениях – пытках и казнях. Оба они были готовы исповедовать Христа до конца и укрепляли в этом друг друга.

«Так вот что мне не давало покоя там, в порту!» - ахнул про себя Крисп.

И понял, что он потерял.

И вспомнил всё.

Он достал подаренную отцом монету и какое-то время смотрел то на золотой профиль, то на живого императора, который, поймав его взгляд, узнав улыбку ему...

Крисп опустил голову и едва не бросил на пол монету с изображением того, кто обрекал своим эдиктом его собратьев по вере на неслыханные муки и смерть. Только то, что отец Нектарий приучил его с уважением относиться к властям, удержало его от этого...

«Господи, что я наделал! - мысленно простонал он.

- Солгав, я лишился Твоей благодати! Скорее к отцу Нектарию, на исповедь... скорей снять оковы греха, разделившего меня с Тобой!..»

Даже на корабле он не ждал встречи с отцом Нектарием так, как жаждал её сейчас.

Лицо его горело. Руки были холодны, как лед...

Вернувшийся с золотой наградной цепью на шее Марцелл, на радостях, сразу и не заметил перемены, которая произошла в его сыне.

- Поздравляю! Счастье-то... счастье какое!... А ты не хотел ехать... Мой сын - друг и помощник цезаря! Да мог ли я когда-нибудь даже мечтать об этом?

Крисп оторвал ладони от щек и умоляюще взглянул на него:

- Отец, - попросил он. - Давай уйдем отсюда? Мне... плохо!

Ему, и правда, было нехорошо.

Марцелл с тревогой посмотрел на сына и неожиданно быстро согласился:

- Да-да, конечно, это от радости... так иногда бывает... Да и на сцене сейчас начнется такое, что неприлично смотреть в твоих летах. Вон и цезарь... твой друг... тоже собирается уходить. Только я должен сообщить об этом распорядителю пира!

Крисп с трудом дождался возвращения отца и, только чтобы не подвести его (а то бы он побежал!), стараясь идти, как можно сдержаннее, направился вон из ненавистной теперь ему залы...

4

- Нет, отец, нет! - в испуге воскликнул Крисп...

Марцелл и Крисп ехали в роскошной повозке по улицам Афин из центра, по направлению к порту.

Марцелл был счастлив.

- Даже в самом прекрасном сне я не смог бы увидеть то, что произошло сегодня наяву! - не уставая, повторял он. - Мой сын будет жить во дворце и находиться в ближайшем окружении цезаря, а значит, и императора!

Крисп, напротив, был молчалив и подавлен. Всего полчаса назад он и сам был, как казалось ему тогда, счастливейшим человеком. А теперь не было на земле человека несчастней его!

С моря дул не по-летнему холодный, влажный ветер, нагнавший на город низкие, мрачные облака. Шел мелкий, колючий дождь. Эта резко изменившаяся погода была как раз под стать его настроению.

Колеса повозки стучали по тем самым камням, по которым ходили когда-то великие эллины.

«Где теперь величие Солона, мудрость Сократа, ученость Аристотеля? - мучительно размышлял Крисп. - А души давно умолкнувшего Демосфена; лечившего других, но самого не уберегшегося от болезни, Гиппократ; завоевавшего почти весь мир, и все равно побежденного смертью, Александра Македонского - где теперь все они?»

Марцелл что-то спросил, Крисп что-то ответил невпопад...

«Но все они жили до прихода в мир Спасителя, и будут судиться по закону своей совести... А я? Какой ответ дам Богу я, если карета вдруг сейчас перевернется, и мы погибнем, или на нас нападут грабители?.. Ведь сказал же Господь: в чем застану, в том и буду судить! А отец Нектарий говорил, что неложно каждое Божье слово...»

Вспомнив про отца Нектария, Крисп застонал. Отец с тревогой взглянул на него и велел вознице ехать помедленней.

- Нет, отец, нет! – в испуге воскликнул Крисп, понимая, что только исповедь у отца Нектария теперь может спасти его. – Прошу тебя, пусть наоборот, едет, как можно скорее!

- Но ведь ты болен, тебя может совсем растрясти!

- Все равно! Пусть!.. Скорее, скорее...

Отец пожал плечами и выполнил просьбу сына. Когда они въехали в порт, он хотел помочь Криспу выбраться из повозки, но тот сам спрыгнул на каменную мостовую и бегом бросился к кораблю.

Ничего не понимая, Марцелл последовал за ним.

Поднявшись на палубу, Крисп сразу направился на нос «Тени молнии», где размещались пассажиры, но перед ним, как и прежде, вырос юнга Максим. Он с еще более наглым видом смотрел на него.

Точно наткнувшись на стену, Крисп развернулся и бросился искать Плутия Аквилія. Но за время их отсутствия, тот сделался едва ли не самым нужным человеком на корабле, и найти его было не так легко.

Тем временем Марцелл тоже поднялся по трапу и отдал приказ сниматься с якоря.

Гилар выполнил его и, заметив на шее Марцелла золотую цепь, с плохо скрываемой завистью уставился на неё.

- Тебя... наградили? – только и смог вымолвить он, на что Марцелл, поправляя цепь, важно ответил:

- Да! Получил из рук самого императора!

- Рад за тебя, рад! Поздравляю! Но – ах, какая жалость!

- Это еще почему? – нахмурился Марцелл.

- Так ты теперь наверняка получишь новый чин, вместо тебя назначат другого, а с тобой было так приятно работать! – льстиво объяснил Гилар.

- И - выгодно? – с хитринкой во взгляде, уточнил Марцелл.

- Не скрою, да! Кстати, я тут взял на борт еще несколько попутных пассажиров... А твоих рабов, чтоб не сбежали, я посадил на цепь!

- Зря, там же дети! – поморщился Марцелл. – Куда они сбегут посреди моря? Вели своему кузнецу немедленно расковать их. А завтра я разберусь, что с ними делать...

- Да, тебя еще спрашивал какой-то бывший военный, - припомнил Гилар. - Назвался твоим управляющим.

- Скавр? Меня? Здесь? - удивился Марцелл. - И где же он?

- Не знаю... Наверное, отправился в город, искать тебя!

- Ну, этот найдет! - махнул рукой Марцелл. К ним подошел лоцман, и сразу стало не до лишних разговоров...

... «Тень молнии» медленно отходила от причала, когда Крисп отыскал, наконец, Плутия Аквилия. Ему показалось, что он заметил бегущего к кораблю Скавра. Но разве до него было ему в этот момент? Тем более, что он помнил, какой приказ получил управляющий от отца - следить за отцом Нектарием и сдать его властям в день начала гонений, где бы тот ни был!

- Ну что, - нетерпеливо заторопил он почему-то отводящего взгляд Плутия. - Все в порядке? Договорился?

Тот виновато развел руками:

- Ничего не получается. Этот юнга упрям, как сирийский осёл! Зря ты тогда пнул его ведро, - с упреком сказал он.

- Обиделся... До этого был рад устроить вам встречу в первый час второй стражи всего за один денарий. А теперь, говорит, меньше, чем за золотой не возьмусь. А где его взять, этот золотой?..

- Где?.. - Крисп вдруг вспомнил про подарок отца, порылся в складках одежды и протянул Плутию золотую монету.

Тот недоверчиво принял ее, попробовал на зуб и подмигнул:

- Ну, это совсем другое дело!

Велев Криспу никуда не уходить, он побежал к мачте, откуда слышался голос юнги, и быстро вернувшись, радостно объявил:

- Все в порядке. Взял. Теперь уже всё будет зависеть от тебя!

- Как это? - не понял Крисп.

- Очень просто! - похлопал его по плечу Плутий. - Смотри, не проспи!

Глава пятая

1

- Отче! - бросился к пресвитеру Крисп...

Как быстро летит время в те радостные минуты, когда не хочется, чтобы оно когда-нибудь кончилось. И как медленно тянется, если ждешь чего-то особенно важного!

Крисп лежал в темноте с открытыми глазами, дожидаясь, когда серебряный колокольчик

клепсидры^[8], стоящей на столике отца, ударит в третий раз, и придет долгожданный первый час второй стражи.

Но кузнец с поднятым молотом, фигурка которого венчала крышку часов, словно забыл о своих обязанностях...

Давно уже уснул отец. Несмотря на то, что всё время, пока их не было, дверь каюты охраняла стража, он начал проверять эдикты, но, не доведя дела до конца, так и заснул с сумкой в руках.

В каюте было тихо и спокойно. Корабль по-прежнему мчался куда-то вперед. Легонько поскрипывало дерево. Билась о борт за волною волна. И уже само море казалось огромной клепсидрой, в которой каждая минута равнялась вечности!

Наконец, раздалось мелодичное: дин-н-н...

- Пора!

Крисп специально шумно пошевелился. Прислушался к громкому дыханию отца и на всякий случай кашлянул. Нет, устав за день, тот спал так крепко, что разбудить его мог разве что удар настоящего молота о наковальню.

Тем не менее, Крисп, стараясь ступать как можно тише, на цыпочках вышел из каюты и плотно закрыл за собой дверь.

На палубе было ветрено и дождливо.

Из-за сильного встречного ветра или, опасаясь, что начнется шторм, Гилар велел убрать паруса и посадил за работу гребцов. Они мерно поднимали и опускали тяжелые весла, подгоняемые заспанным, злым келевстом.

Крадучись, Крисп стал продвигаться вдоль борта к мачте. Краем глаза он уловил какое-то движение – словно чья-то быстрая тень мелькнула к их каюте, оглянулся – но нет, кажется, показалось...

А дальше он забыл обо всем на свете.

У мачты его уже дожидался отец Нектарий!

Между ними, как всегда, стоял юнга Максим. Но на этот раз он стоял к ним спиной и плевал в воду, старательно делая вид, что происходящее его не касается.

- Отче! – бросился к пресвитеру Крисп, и через мгновение с плачем забился в его крепких объятьях. – Прости, я согрешил!.. Я... я...

- Ну, что ты, мальчик мой, перестань! – попытался успокоить его отец Нектарий, но Крисп не мог остановиться:

- Я солгал отцу, а потом начал грешить всё больше, больше, и мне даже стало нравиться это! Что это было, отче?

- С тобой случилось самое страшное, что только может случиться с человеком. От тебя отошла Божья благодать, и теперь ты знаешь, каково жить без неё!

- И что же, теперь я - погиб? - простонал Крисп.

- Но ты же ведь - каешься? - с доброй и всепонимающей улыбкой посмотрел на него пресвитер.

- Да, отче, да!

- Вот видишь! А любого кающегося с радостью прощает и вновь принимает к себе Господь. Наклони голову!

Отец Нектарий крепко обхватил обеими руками голову упавшего на колени Криспа и прошептал:

- Господь и Бог наш, Иисус Христос прощает и отпускает тебе, чадо Крисп, все твои грехи. Иди и впредь не грехи, дабы не случилось с тобой еще худшего! Целуй крест в знак того, что никогда больше не отступишь от Христа, даже если бы тебе предложили за это богатства всего мира!

Отец Нектарий протянул Криспу висевший у него под плащом большой бронзовый крест, на котором по-гречески было написано: «Святая святым!», и тот, плача, припал к нему губами...

«Успел! Успел! - радостно стучало его сердце. Крисп понимал, что теперь он и сам свят. Забери его Господь в этот миг - начнись сейчас шторм и переверни парусник или смой его за борт высокая волна, и никто никогда уже не разлучит его с Богом. - А как же отец Нектарий? А мой отец?..» - вдруг вспомнил он и зашептал:

- Отче! Отец знает, кто ты! Тебе надо бежать!

- Зачем? - удивился пресвитер. - Я сам хочу пойти на мучения ради Христа. А уехал из города только для того, чтобы не огорчать свою паству! Какая разница, где это произойдет?

- И я с тобой! Ладно? - прижался к нему Крисп и умоляюще заглянул в глаза: - Но до этого поговори с моим отцом, обрати его в нашу веру, спаси его!..

Крисп хотел сказать, что он хороший, честный, добрый, но в этот момент за его спиной раздалось изумленно-грозное:

- Ага!

Крисп оглянулся, и увидел... невесть каким образом, возникшего из темноты отца.

Увидев сына, прижимающимся к ненавистному ему человеку, как совсем недавно и к нему самому, Марцелл едва не задохнулся от гнева:

- Так вот оно что?!

- Отец! - бросился к нему Крисп. - Выслушай! Погоди...

- Молчи! - прохрипел Марцелл, останавливая протягивая перед собою ладонь. - Лжец! Лицемер! Ты усыпил мою бдительность, чтобы встретиться с ним? Теперь я понимаю, почему ты так легко на все соглашался. Теперь мне ясно, почему, сказавшись больным, чуть не бежал на корабль! А ты куда, бездельник, смотрел? - повернулся он к юнге и, вымещая на нем всю свою злобу, ударил его.

Удар был такой сильный, что хрупкий киликиец упал, кулак, в котором он держал монету,

разжался, и по палубе, прямо под ноги Марцеллу покати́лась золотая монета. Тот поднял ее, поднес к глазам и увидел выцарапанную им самим букву «F»...

- Да тут целый заговор! – ахнул Марцелл. – Ну, ничего, сейчас я сам разберусь, кто прав, а кто...

Он выхватил у подошедшего на шум охранника меч, но не успел взмахнуть им, потому что к нему подскочил удивленный Гилар:

- Как... ты здесь? – ничего не понимая, уставился он на Марцелла.

- А где ж мне еще быть? – огрызнулся тот. – Как видишь, пришел, как нельзя вовремя!

- А кто же тогда там?..

- Где – там?

- В твоей каюте!

- Как кто? Нет никого!

- Как никого?! – округлил глаза Гилар.

- Я только что проходил мимо – дверь открыта... в каюте мужская фигура, а твой голос тут. Я ничего не понял, и – скорее сюда!..

- Что-о? – взревел Марцелл, с мечом наперевес бросаясь в каюту.

Пробыл он там совсем недолго и, появившись с зажженным канделябром в руке, сказал:

- Да. Похоже, ты прав, Гилар! Клепсидра опрокинута. Но, может, это я уронил её, после того, как ты разбудил меня?

- Я? Тебя?! – изумился еще больше, чем минуту назад, увидев Марцелла у мачты, Гилар.

- Ну, а кто же тогда растолкал меня и твоим голосом сказал, что я срочно должен подняться на палубу?

Марцелл посмотрел на потерявшего дар речи капитана, вернул меч охраннику и устало сказал:

- Ладно. Завтра разберемся. Крисп, в каюту! – не глядя на сына, коротко бросил он. – Юнгу выпороть хорошенько... Двадцать, нет – тридцать плетей! Сейчас же! На палубе! А этого...

Марцелл показал канделябром на отца Нектария:

- Этого заковать и держать на цепи до того момента, когда я сдам его властям!

- А есть ли у тебя основание для обвинения? – не без тревоги шепнул Гилар, на что Марцелл с твердой уверенностью ответил:

- Есть! И поверь, такое, что любой судья сочтет его предостаточным, чтобы вынести ему самый суровый приговор! Да! И еще... – с усмешкой прищурился он.

- Юнгу можешь освободить от прежней обязанности. Теперь я сам, лично буду следить за ним.

Ведь я же обещал тебе это, верно, Крисп?

Тот понуро кивнул и следом за отцом направился в каюту.

Мимо них с почтительным поклоном прошмыгнул заспанный, шатающийся спросонья, Плутий Аквиллий. Криспу неожиданно показалось, что глаза его блеснули совсем не как у человека, еще не отошедшего ото сна. Но до Плутия ли было ему в тот миг?

В каюте он быстро разделся и нырнул в постель.

Не разговаривая с ним, Марцелл сел за стол и второй раз за эту ночь принялся проверять содержимое своей сумки. Он снова и снова пересчитывал эдикты, осматривал печати. Криспу, наблюдавшему за ним из-под прищуренных век, хорошо было видно, что отец давно уже убедился в том, что всё на месте, но делал это только для того, чтобы успокоиться. А еще - ну, кто лучше Криспа знал своего отца, - уже простив его, Марцелл прикидывал, как бы завтра начать разговор с любимым сыном так, чтобы им обоим казалось, что ничего плохого между ними не произошло в эту ночь...

«Ах, отец, отец!.. Самый родной ты мой человек...»

Крисп натянул одеяло до подбородка, чтобы Марцелл не заметил, что он счастливо улыбается. А он, несмотря на только что пережитое, был действительно счастлив. И потому, что успел к отцу Нектарию. И потому, что теперь был спокоен за своего отца.

Одно только было непонятно Криспу: кто же все-таки разбудил Марцелла?

«А впрочем, какая теперь разница?» - мысленно махнул он на это рукой.

И, уже засыпая, подумал:

«Неужели когда-нибудь всё будет иначе?..»

2

Одно только смущало Криспа...

...Крисп стоял на палубе, со страхом и надеждой глядя на то, что происходит на борту «Тени молнии». С надеждой - на отца Нектария. И со страхом на своего отца. Гнев Марцелла не остыл даже за ночь, и теперь он срывал его на Гиларе, забыв собственные слова, что лучше не связываться с этим жадным и мстительным человеком.

- Почему так много посторонних на судне? - грозно вопрошал он, кивая на забитый пассажирами нос корабля.

- Но, Марцелл!.. - пытался возражать капитан.

- Ничего не желаю знать! Я везу эдикт императора строжайшей секретности! Когда следующий порт?

- Через три дня... Мы же в открытом море!

- Проклятье... Ладно! Переведи их пока на корму, чтобы я лично мог наблюдать за ними. А в первом же порту - очистишь корабль от пассажиров!

- Но они заплатили нам наперед!

- Деньги вернуть! – повысил голос Марцелл.

- И высадить всех, начиная с этого! – Он указал на отца Нектария, и Крисп понял, что, желая оградить от него сына, он жертвует даже мстостью!

- Ты все понял, Гилар?

- Да...

Капитан злобно блеснул глазами и отправился выполнять приказ, вымещая зло на всем, что попадалось по пути. Первым он дал затрещину подвернувшемуся под руку юнге, который и без того морщился на каждом шагу после ночной порки. Затем, пересыпая речь ругательствами, велел матросам зарифить безжизненно свисавший из-за безветрия парус, а келевсту – посадить за весла сразу обе смены гребцов и заставить их работать в полную силу.

Так Гилар добрался до носа корабля. Здесь он передал приказ императорского курьера, умолчав при этом о его второй части, в надежде за три дня отговорить Марцелла от задуманного. И, тем не менее, эта новость мгновенно распространилась среди пассажиров.

- Это правда, что нас высадят в ближайшем порту? – подскочил к Криспу не на шутку встревоженный Плутий Аквилый.

- Да, – подтвердил Крисп, глядя, как отец Нектарий, с потертой дорожной сумкой на плече, вместе с другими пассажирами переходит в кормовую часть корабля.

- Слушай, мы ведь с тобою друзья! Скажи отцу, чтобы он оставил хотя бы меня! – принялся уговаривать Плутий, но Крисп с сомнением покачал головой:

- Отец так зол на меня за вчерашнее, что боюсь, если я попрошу за кого, он высадит его прямо в море, не дожидаясь порта!

- И то верно! – вздохнул Плутий и задумался вслух: - Что же мне тогда делать?..

- Как что? Поплывешь на другом корабле! – удивился Крисп.

- Ах, да! Конечно же – на другом! – словно очнувшись, охотно согласился Плутий, но так быстро и неискренне, что Криспу в другой раз это показалось бы подозрительным.

Но сейчас ему было не до Плутия. Он с затаенной надеждой смотрел на отца, который, в свою очередь, хмуро наблюдал за отцом Нектарием.

К тому же Гилар, не осмелившись возразить Марцеллу, которого отметил сам император, решил отыгаться на его сыне. Увидев трех рабов, которые, тесно прижавшись друг к другу, мирно спали на самом теплом месте палубы – где вечером разводили костер для ужина, он с возмущением закричал:

- Это еще что такое? Чьи рабы?

- Господина сына господина курьера! – бойкой скороговоркой мстительно подсказал юнга Максим.

- Крисп, твой? – будто не зная этого, громко уточнил Гилар.

- Д-да... - не сразу отозвался Крисп, замечая при этом, как удивленно взглянул на него отец Нектарий. Его мысли побежали в обратном направлении: вчерашняя ночь... гнев отца... встреча с пресвитером... пир у императора... и, наконец, афинский порт, где он попросил отца купить ему этих рабов. Зачем он сделал это? Для чего?..

- Развели рабов на императорском судне - шагу негде ступить! - проворчал Гилар и пнул ногой проснувшегося мужчину. - Убрать их отсюда немедленно!

- Куда? - уточнил Крисп.

- Куда хочешь! Только чтобы я больше не видел их на своей палубе! Тем более там, где готовят еду людям! - отрезал Гилар и с сознанием исполненного долга удалился на капитанский помост.

3

Окончательно сбитый с толку Крисп не знал, что и подумать.

Крисп огляделся вокруг.

Было сине-золотое от морской глади и солнечных лучей утро.

Матросы выполнили свою работу и убрали парус.

Теперь «Тень молнии» шла только благодаря усилиям невольников-гребцов.

- И-раз! И-рр-раз! Раз! Раз!! Раз!!! - хлопал в ладоши, задавая ритм их тяжелой работе, келевст.

Крисп долго смотрел на них, потом покосился в сторону кормы корабля и, наконец, вспомнил о рабах.

- Кто вы, откуда? - устало спросил он.

- Из Дакии, господин, - с заметным акцентом ответил мужчина, как-то неумело произнося последнее слово.

- Ах, да... - Крисп вспомнил монету с сообщением о последней победе Деция и сам не замечая того, принялся думать вслух: - И что же мне теперь с вами делать?

- Заставить работать! Сдать в наем! - услышав его, деловито посоветовал идущий с носа на корму чрезвычайно толстый, низкий купец. Короткая шея его была перевязана дорогим шелковым платком. Он утер им лицо и продолжил: - Или продать, но так, чтобы получить больше денег, чем потратил на них!

- Зачем мне деньги? - равнодушно пожал плечами Крисп.

- Как зачем? Ведь это же - деньги! - купец даже остановился от изумления и обвел маленькими руками круг: - На них можно купить - всё!

- Даже море? - насмешливо уточнил Крисп.

- А почему бы и нет? - удивился купец и, глотая от волнения окончания слов, принялся объяснять: - Если есть достаточно денег, можно договориться с царями, на чьих берегах находится море, и... купить его!

- А небо?

- Что небо?

- Я говорю - небо тоже можно купить?

- А зачем его покупать? Оно хи-хи-хи, бесплатное! Смотри и любуйся на него даром! - засмеялся купец. - И правильно. От моря хоть выгода есть - рыба, гавани, перевоз грузов... Так что мой тебе совет, продай ты этих рабов в первом же порту, и ...

Купец кивнул глазами на даков и вдруг, переменявшись в лице, жадно облизнул губы:

- А еще лучше, продай мне! Прямо сейчас! Здесь! Клянусь Меркурием, я дам за них хорошую цену!

Недоумевая, Крисп пожал плечами, проследовал глазами за взглядом купца, и... замер.

Его рабы решили, пока на них не обращают внимания, привести себя в порядок после сна. Мужчина разделся по пояс и плеснул на себя водой из чана. Оказалось, что это был очень сильный и мужественный человек. Мышцы так и бугрились на его плечах и груди, а руки покрывали следы от совсем недавно зажитых ран. А девушка... Глядя на волны огромными синими глазами, она сняла с головы старый, грязный платок, который, как оказалось, скрывал удивительно красивые, золотистые волосы, встряхнула ими, рассыпая по спине и... словно сразу стало больше моря и неба.

Озорной луч лег на лицо девушки. Она улыбнулась солнцу, но, перехватив устремленный на нее взгляд Криспа, нахмурилась, торопливо покрыла голову платком и отвернулась.

- Ну, так как? - напомнил о своем предложении купец. - Сколько ты хочешь? Называй цену!

- Цену? - с недоумением посмотрел на него Крисп. - А... сколько по-твоему, стоит - солнце? Ветер? Рассвет? Разве ты не понимаешь, что на свете есть то, чему нет цены?

- Цена есть всему! С одной только разницей - большая или меньшая! И это так же верно, как то, что меня зовут Диагором! - весомо ответил купец. - Так сколько?

- Нисколько! Эти рабы... эти люди, - запнувшись, поправился Крисп, - не продаются!

- Нет, так нет! - без особого разочарования согласился купец. - Но, если только надумаешь, я готов немедленно купить их!

Было видно, что его интересует не сила мужчины и необычайная красота девушки, а лишь возможность заработать, выгодно перепродав их. К тому же, как человек, умевший торговаться и извлекать выгоду при каждом удобном случае, он, видимо, умел ценить это качество и в других. Во всяком случае, купец впервые взглянул на Криспа с уважением, и продолжил свой путь. Толстый, низкий, с перевязанной шеей, он уже сам казался туго набитым кошельком.

Крисп с сожалением посмотрел ему вслед, перевел взгляд на девушку, но тут же, устыдившись этого, спросил мужчину:

- А вас как зовут?

- Я - Сувор, - назвалса тот. - Сын Млад, а дочь - Злата! А какие рабские клички дашь нам ты?

- Зачем? Пусть останутся ваши прежние имена! - даже возмутился такому вопросу Крисп и уточнил: - Так вы - даки?

- Не совсем, мы - переселенцы из северных земель! - ответил Сувор. - Искали лучшей жизни, радовались, что будем жить в городе. А тут воинственные племена даков сделали набег на римские крепости. Те двинули на нас свои легионы... Город пал безо всякого сопротивления. Я, конечно, защищал свой дом и семью. Но что можно было сделать против легионеров с их страшными мечами-гладиусами - голыми руками, без доспехов и даже без щита? И, тем не менее, я выполнил свой долг мужа и отца. И, наверное, неплохо его выполнил, - не без гордости поднял свои изуродованные шрамами руки мужчины, - раз центурион, как он сам сказал, из уважения, приказал не трогать нас, а лишь продать скупщику рабов. Тот велел нам, вместе с другими пленниками, идти пешком до ближайшей морской гавани... там нас перепродали еще раз, посадили на корабль. Главное было, чтобы мы не разлучились. Дочь я сразу заставил покрыть голову этим грязным платком, чтобы она не привлекала внимание. Ведь она у меня красавица. Жену тоже оберегал, как мог. Так мы приплыли в Афины. Ну, а дальше, дальше...

- Отец! Остановись... К чему об этом - теперь? - с нескрываемой досадой и ненавистью к Криспу, неожиданно воскликнула девушка.

А мальчик, наоборот, при упоминании о матери, с приветливой улыбкой подошел к Криспу и молча показал ему большую бронзовую монету с дыркой. Она была очень древняя, эта монета. Одна ее сторона была совсем затерта, а на другой оказалась голова медузы Горгоны.

Христианину негоже было брать в руки монету с изображением языческого божества, да еще столь злобного, от взгляда на которого, согласно легенде, каменели люди. Поэтому Крисп только ласково улыбнулся мальчику и вопросительно посмотрел на него.

Тот попытался объяснить что-то отчаянными знаками, но сестра быстро ухватила его и посадила к себе на колени.

Окончательно сбитый с толку Крисп не знал, что и подумать.

- Он онемел после того, что случилось! - словно извиняясь за сына, пояснил отец. - Ведь все происходило на его глазах: рушился дом, я отбивался от римлян, нас волокли в плен...

- Да-да, я... понимаю! - виновато - ведь он сам гражданин Рима, поработившего Дакию - кивнул Крисп и, показав глазами на девушку, шепнул: - А что это она такая большая, и до сих пор в куклы играет?

- Это не кукла. Это богиня нашего домашнего очага, которого больше нет...- с сожалением отозвался Сувор. - Она не сумела защитить его, так хоть мы её сберегли! Прости, мы не привыкли еще быть рабами! - виновато добавил он, не обращая внимания на то, что девушка, дергая за локоть, пытается остановить его: - Но и ты, как я вижу, еще не умеешь быть господином. Ты даже не спросил, что я умею. А я ведь умею всё! Я и кузнец, и гончар, могу быть даже садовником. Клянусь всеми богами, я даже не знаю, кому теперь из них можно верить, все они отвернулись от нас... но все равно клянусь: что буду работать за десятерых, мои дети тоже изо всех сил будут помогать мне, только... не разлучай теперь хотя бы - нас!

Крисп не совсем понял смысла последней фразы. Но переспросить не успел. Мужчина понизил голос и уже почти шепотом сказал:

- И, если можно... раз уж мы твои рабы... прошу тебя, накорми хотя бы - детей!

- Да-да, конечно! Сейчас!

4

Марцелл открыл сумку и привычно стал пересчитывать эдикты...

Крисп сорвался с места, подбежал к отцу и, волнуясь, сказал, что рабы голодны. Чем накормить их?

- Похвально, что ты так заботаешься о своих рабах! - выслушав его, одобрил Марцелл и отвел подальше от кормы с пассажирами.

- Как будущий хозяин и господин ты должен быть рачительным во всех отношениях. Плохо только, что ты подошел сюда без моего разрешения! Больше чтобы этого не было! А что касается твоих рабов... Передай Гилару, чтобы он досыта накормил их из котла...

- Спасибо, отец!

- ... для своих гребцов! - как о само собой разумеющемся, закончил Марцелл.

Крисп сразу сник.

- А... где мне разместить их? Не будут же они все время стоять на палубе? - глядя себе под ноги, пробормотал он.

- И это верно, - согласился отец.

- Пусть сидят на носу корабля. Там теперь много места!

И хоть место, отведенное Марцеллом для рабов, было самой дальней точкой от отца Нектария, такое решение почему-то не огорчило Криспа.

Наоборот, он даже обрадовался, что может теперь быть около них хоть все время! Его так и тянуло к рабам. Одно только смущало Криспа: явная натянутость в их отношениях. Мужчина, как мог, скрывал ее. А девушка показывала при каждом удобном случае. Но вот что странно: насколько она сторонилась его, настолько тянулся к нему мальчик.

И этого Крисп никак не мог понять.

Весь этот день был для него, как миг. И каждый миг - как день.

Вечером, когда они вдвоем с отцом коротали остатки вечера в каюте, Крисп не мог заставить себя не думать о рабах и, особенно, девушке. Марцелл о чем-то спрашивал его. Он невпопад отвечал...

- Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? - наконец, не выдержал отец.

- Я? Разве?.. - удивился Крисп.

И стал вдруг с жаром рассказывать отцу то, что слышал от мужчины о Дакии: ее дремучих лесах, с причудливыми чащами, особенно в зимнее время, задумчивых озерах, студеном родниках, стучащих, как горячее сердце...

- Что это с тобой сегодня? Ты прямо, как Овидий стал говорить! - вдруг удивленно спросил

Марцелл.

- А кто это? Тоже дак? - живо заинтересовался Крисп.

- Нет, римский поэт. Хотя, кое в чем ты прав. Последние годы жизни он провел рядом с Дакией. В городе Томы, куда был изгнан императором Августом за... как бы это помягче сказать... не очень хорошие стихи о любви.

- Разве за стихи о любви ссылают?

- За такие я бы сослал еще дальше!

Они немного помолчали, и Крисп спросил:

- А это - мои рабы?

- Да, я же тебе подарил их! - берясь за сумку с эдиктами, кивнул Марцелл.

- И я... могу делать с ними все, что угодно?

- Конечно!

Марцелл открыл сумку и привычно стал пересчитывать эдикты, внимательно проверяя целостность печатей:

- Один, два, три... Никак не могу понять, как можно верить в то, что говорит этот Нектарий? - как бы между прочим заметил он и, не дожидаясь ответа Криспа, тут же перевел разговор на другую тему: - А что это тебя так стала волновать Дакия?

- Да так...

После вчерашней ночи отношения между отцом и сыном были еще натянутыми, и ни один из них не решался довести до конца разговор о том, что больше всего волновало его.

- Пять... шесть... семь... - продолжал счет Марцелл. - А-а, я, кажется, начинаю догадываться - виной всему - золотистые волосы и синие глаза?

- Да что ты, нет! Нет!! - с жаром принялся отнекиваться Крисп. Он понял, что отец внимательно наблюдал не только за пресвитером, и отчаянно покраснел.

- Это я так - просто!

- И я тоже просто! - улыбнулся ему отец, заканчивая счет, - ...восемь, девять и - десять! Все в порядке! Доброй ночи, сынок!..

Глава шестая

1

«А что, если они готовят бунт?..» - вдруг насторожился Крисп.

Марцелл с Криспом вышли из каюты, когда солнце уже встало, но еще не так ослепительно ярко блестело над горизонтом.

Сидевший у порога воин, с грохотом роняя прислоненный к борту щит, запоздало вскочил на ноги и лихо отсалютовал, делая вид, что не спал всю ночь. Но провести Марцелла ему не удалось.

- Пойди, глаза хоть промой! – с усмешкой посоветовал он и вдруг внимательно посмотрел на охранника: - Постой-постой... Сейчас же не твоя смена! Где твой напарник?

- Заболел... - помявшись, неохотно ответил охранник.

- Что с ним?

- Не знаю, кажется, что-то с животом...

- Наверное, пока вчера меня не было, кислое вино пили? – строго спросил Марцелл.

- Ни капли! – клятвенно приложил руки к груди воин, но, поймав на себе недоверчивый взгляд начальника, отвел глаза в сторону: - Да если бы и пили – со мной же ведь ничего!

Марцелл подумал и приказал:

- Среди пассажиров есть лекарь. Пусть осмотрит его и даст какое-нибудь снадобье. Скажи ему, я попросил!

- Есть, господин! – обрадовался нечаянной возможности размять ноги воин и тяжелыми шагами направился в сторону кормы.

- погоди! – остановил его Марцелл.

- И ты отстоял в карауле всю ночь?

- А что? – удивился воин. – Мы в боевом лагере, бывало, по трое суток не сменялись! Дело обычное...

- Когда не касается эдиктов государственной важности! – нахмурился Марцелл и окликнул: - Крисп!

- Да, отец? – рассеянно отозвался тот, ища глазами отца Нектария и своих рабов...

- У меня к тебе просьба. Точнее – боевой приказ!

- Да, отец, – видя, что Марцелл обращается к нему без улыбки, как к взрослому, сразу посерьезнел Крисп.

- Возьми его меч, щит и копье и побудь на страже нашей каюты, пока он отдохнет! – показал на воина Марцелл.

- Да, отец!

- Не да, а есть! Тебе поручается дело государственной важности!

- Есть!

- Вот так! – похвалил Марцелл, оглядывая сына с мечом в руках.

- А тебе, сколько времени нужно, чтобы отдохнуть? - обращаясь к воину, спросил он. - До полудня хватит?

- Более чем! - обрадовался воин. - Бывало в походах...

- Время уже пошло! - предупредил Марцелл, и тот, оборвав себя на полуслове, заспешил к пассажирам, где подошел к одетому в греческий плащ человеку - лекарю, как догадался Крисп.

Марцелл тоже направился на корму корабля.

И Крисп остался у двери каюты один.

Море по-прежнему было гладким, ленивым. «Тень молнии» продолжала движение без парусов.

- И - ра-аз! И - ра-аз! - медленнее, чем вчера командовал гребцами келевст.

В дальнем конце корабля началось какое-то движение. Два матроса пронесли к борту тяжелый продолговатый предмет и бросили в море.

Гребцы проводили его хмурыми взглядами, а затем подняли весла и, несмотря на крики келевста, несколько мгновений не опускали в воду. Потом, как ни в чем не бывало, продолжили грести, но сидели на своих скамьях необычно злобные и подавленные. Там у них явно что-то случилось.

«А что, если они готовят бунт?..» - вдруг насторожился Крисп.

Он поднял щит, оперся на копьё и, приняв, по его мнению, самую боевую позу, покосился в сторону носа судна: видят ли его с боевым оружием и щитом его рабы? К сожалению, Сувор разговаривал с дочерью, убеждая ее в чем-то. Они спорили и не обращали на него никакого внимания.

Зато Млад смотрел на него восторженными глазами.

Крисп важно - видал, какой у меня меч? - подмигнул ему и перевел взгляд на корму. Там тоже разгорался спор - между отцом Нектарием и философом. Эллин все больше горячился и размахивал руками, доказывая свою правоту. Пресвитер, напротив, говорил, как всегда тихо и спокойно. Его ответы, судя по реакции пассажиров, были более убедительными, чем вопросы философа. Что думал отец, Крисп так и не смог понять. Лицо Марцелла было бесстрастно. То ли он надел на него такую маску, то ли с одинаковым интересом слушал обоих.

2

Крисп растерялся. Он не знал, как ему поступить...

Крисп поправил висевший у самых колен тяжелый меч и придирчивым взглядом часового продолжил осмотр палубы.

В центре корабля тоже было не совсем спокойно. Там, стоявшего на капитанском помосте, Гилара осаждал Плутий Аквилый. Крисп различал лишь отдельные слова. Но и без них было понятно, что Плутий, лстиво называя капитана навархом, уговаривал оставить его на судне. Капитан решительно возражал, потом предложил что-то Плутию, показывая на скамьи гребцов, от чего уже тот наотрез отказался. И, наконец, до Криспа долетел конец последней

фразы Гилара:

- ... и не подходи ко мне больше с этим!

Плутий вынул свой платок и вытер им вспотевший лоб.

«Даже волшебный платок не помог!» - усмехнулся Крисп.

Он скользнул глазами по скамьям гребцов, замечая, насколько устали эти большие, сильные люди... немного задержался на пассажирах, где философ, потеряв свое стоическое спокойствие уже готов был изломать о колено свою, повидавшую, наверное, полмира, трость... оглядел по-прежнему не замечавших его рабов... А когда снова посмотрел на капитанский помост - там уже никого не было. Раздосадованный Плутий стоял у дальнего борта. А Гилар вился около отца и о чем-то просил. Марцелл, морщась, что-то коротко бросил в ответ и махнул рукой в сторону... сына!

Крисп подумал, что ошибся. Но Гилар, пройдя к его рабам, приказал Сувору следовать за ним и, действительно, подошел к нему.

- Послушай, Крисп, - сказал он с видимой неохотой, что ему, капитану императорского судна приходится просить мальчика, пусть тот даже сын его временного начальника, - у нас ночью умер гребец, и новая смена должна работать в неполном составе. Сдай мне в аренду своего раба!

- Как это - в аренду? - не понял Крисп.

- Очень просто! На время плавания он будет в полном моем подчинении - гребцом, а ты получишь за это деньги!

Крисп нахмурился и отрицательно покачал головой. Гилар с недоумением посмотрел на него и принялся уговаривать:

- А еще я разрешу тебе стоять на капитанском помосте, сколько захочешь!

- Нет!

- Он же ведь все равно бездельничает!

- Ну и что? Все равно не дам! - решительно отказал Крисп.

- Тогда, по прибытии в порт, я должен буду сообщить властям, что вместо того, чтобы способствовать скорейшей доставке важнейших эдиктов, вы с отцом наоборот всячески препятствовали этому! - с угрозой предупредил Гилар.

Крисп растерялся. Он не знал, как ему поступить. Не дать раба - значит, подвести отца. И уступить Гилару - он тоже никак не мог...

К счастью его выручил сам Сувор, который, выслушав разговор, молча направился к скамьям гребцов. Здесь он сел на свободное место и взялся за отполированное до блеска руками многих невольников весло - единственный из всех рабов без оков на запястьях. Со стороны - ни раб, ни господин...

Крисп выдохнул с облегчением, и тут же испуганно посмотрел на Злату: заметила ли та, что ее отец сам принял это решение или подумала, что это он, послал его выполнять тяжелую

рабскую работу.

Но девушка по-прежнему не обращала на него внимания. Она, не отрываясь, смотрела на своего отца так, словно пыталась помочь ему взглядом. Потом к ней подбежал Млад, стал говорить что-то на языке жестов.

«Скорей бы полдень, чтобы смениться, и всё объяснить ей!» - начиная уже ненавидеть оружие, которым так гордился совсем недавно, вздохнул Крисп. Но солнце, под стать ленивому морю и небу, не торопилось подниматься в зенит.

Гребцы, почти уже не слушая келевста, затянули свою унылую, с одними и теми же, повторяющимися словами, песню.

Пассажиры продолжали слушать спор, в котором уже говорил только отец Нектарий, а философ, очевидно, исчерпав все свои аргументы, молчал.

Матрос-повар готовил обед...

Казалось, что на всем этом корабле никому не было дела до Криспа.

Только раз мимо него прошел бесцельно слонявшийся по палубе Плутий и поинтересовался, не слишком ли рано он начал карьеру Александра Македонского?

Крисп, обрадовавшись нечаянному собеседнику, подробно объяснил все, как есть.

В скучных глазах Плутия неожиданно проснулся интерес.

- Как ты сказал?.. Лекарь, снадобья?! - живо переспросил он и, оставляя опять Криспа в полном одиночестве, быстрыми шагами направился на корму, где вскоре заговорил о чем-то с греком в плаще, который совсем недавно лечил заболевшего воина...

3

Девушка вскрикнула, точно это ударили ее саму...

Снова невыносимо медленно потянулось время.

Палило солнце...

Оттягивал бок меч...

И, когда уже стало казаться, что так будет вечно, на смену Криспу неожиданно пришел выспавшийся и посвежевший воин.

... За обедом отец вручил сыну полновесный серебряный денарий.

- Что это? - удивился тот.

- Как что?! Дневной заработок легионера, независимо, поход это, строительство лагеря или сражение! - торжественным тоном объяснил Марцелл.

На монете был изображен Геренний Этруск. Крисп улыбнулся ему как старому знакомому и перевернул денарий на другую сторону: здесь цезарь был изображен во весь рост, а надпись гласила, что он является вождем молодежи.

- Совсем ты у меня уже вырос, сынок. Так скоро и кормильцем станешь! Тем более, когда займешь должность помощника цезаря! - кивая на монету, заметил отец.

- Но ты, смотрю, совсем не слушаешь меня? Спешить? А впрочем, мне тоже пора... Этот спор твоего Нектария с философом... Нет, я не хочу ничего сказать... - слегка смутился он и пробормотал: - Просто любопытно узнать, чем все это закончится!

Наскоро отобедав, они вышли из каюты и разошлись в разные стороны.

Марцелл - на корму, а Крисп, постояв немного на капитанском помосте, на нос корабля.

Он неловко подсел к девушке с мальчиком и только решился сказать то, что собирался все это время, но Злата неожиданно опередила его.

- Отец сказал, что я твоя рабыня и должна выполнять все твои пожелания!

- Можешь передать ему, что у меня иное мнение на этот счет! - вспыхнул Крисп.

- Я могу готовить, стирать, петь песни... - не слушая, послушно продолжила девушка и впервые взглянула на него. Что-то в приятном, умном лице юноши, его чистых глазах привлекло ее внимание, она не сразу отвела взгляд, а затем, опустив глаза, тихо спросила:

- Так что... будет тебе угодно?

Крисп вдруг подумал, что он мог бы приказать ей снять платок, чтобы она смотрела на него... и вообще не была так холодна. Но даже поежился от этой мысли, так она была неприятна ему.

Ничего, - пробормотал он.

- А впрочем... Я не хочу, чтобы ты думала, что это я приказал твоему отцу садиться за весла. Он сам...

- Я знаю, - кивнула Злата.

- Откуда?

- Брат сказал.

Крисп бросил благодарный взгляд на пытавшегося привлечь их внимание жестами Млада и удивился:

- Как он мог сказать, если не может разговаривать?

- Знаками. Я уже научилась понимать его. Это совсем не трудно.

- А что он говорит сейчас?

- Что, когда вырастет, тоже будет большим и сильным и станет гребцом, как отец! Глупый еще. Маленький. А отец у нас, правда, очень сильный. Когда рушился наш дом, он держал крышу до тех пор, пока мы все выбежали.

Они замолчали и стали глядеть на скамьи гребцов, между которыми ходил келевст, поторапливая ленивых, по его мнению, рабов ударами сыромятного бича.

Взятого в аренду раба он словно не замечал, но когда тот решил вытереть пот с лица, вдруг подскочил к нему и стегнул бичом, оставившим длинную красную полосу на его спине...

Девушка вскрикнула, точно это ударили ее саму, и невольно ухватила Криспа за руку.

Тот мгновенно вскочил и бросился к скамьям гребцов.

- Что ты делаешь? - с негодованием закричал он на келевста. - Как ты посмел ударить его?

- А что тут такого? - принялся оправдываться тот.

- Капитан сказал, что ты продал его нам на время!

- Не надо мне ваших денег! Я забираю его!

- Ничего страшного, господин! - примирительно подал голос Сувор.

- Я готов работать и дальше...

- А тебе... - повернулся к нему Крисп, - я первый и последний раз приказываю как своему рабу - немедленно оставь весло и иди отдыхать.

При этих словах юноши могучий рослый мужчина послушно встал и зашагал на нос корабля.

Келевст, раздосадованно пожав плечами, направился жаловаться к Гилару.

Крисп, в свою очередь, бросился к отцу.

Марцелл встретил его с недовольным лицом.

- Я же сказал тебе не ходить сюда! - напомнил он, но было видно, что он недоволен не столько тем, что сын опять осмелился приблизиться к отцу Нектарию, сколько тем, что ему мешают слушать.

- А что же тогда они... он... - путаясь в словах, показал рукой на келевста с бичом в руке Крисп.

Марцелл внимательно посмотрел на сына и пообещал:

- Ладно, я сам разберусь с ним. А теперь - иди!

4

Они, что - тоже христиане?! - насторожился Марцелл.

Вечером, как было заведено, Марцелл с Криспом полулежали на своих койках при свете канделябра и разговаривали.

Марцелл проверял содержимое сумки.

Крисп, щурясь на огоньки пламени, вспоминал минувший день.

- Ну, как разговор отца Нектария с философом? - как бы между прочим, поинтересовался он.

- Увы! - развел руками Марцелл. - Тут и Сократу, пожалуй, нечего было бы делать... Но ничего! Среди пассажиров есть жрец храма Аполлона. Я поговорил с ним, пообещал не высаживать в

ближайшем порту, если завтра он поставит этого Нектария на место. И поставит! Религия – ведь это не только ум, но и... - Марцелл постучал себя пальцем по груди. – сердце!

Несколько минут они молчали, и, наконец, Крисп спросил:

- Отец, вчера ты сказал, что я могу делать со своими рабами все, что захочу?

- Да, я и сегодня могу повторить это! - подтвердил Марцелл.

- Так вот, я хочу... освободить их!

- Странное решение! Они, что - тоже христиане?! - насторожился Марцелл.

- Нет, ты сам можешь у них спросить! У девушки даже есть статуэтка – богиня их домашнего очага...

- - Да-да, я видел... - сразу смягчился отец и усмехнулся: - Надеюсь, ты не всю Дакию собираешься освобождать? Ну-ну, что надулся? Формально ведь я хозяин рабов и вправе знать, хотя бы причину!

- Да нет никакой причины! Просто хочу и всё! Ну, пожалуйста, я тебя очень прошу!

- Ладно! Делай, что хочешь... - махнул рукой Марцелл. – Хотя я лично не понимаю этого...

И принялся, как никогда долго, пересчитывать эдикты, бормоча:

- Один... два... три... пять...

Впрочем, последних слов Крисп уже почти не слышал.

Стояние в карауле у дверей каюты, волнения этого дня быстро сморили его, и он стал быстро проваливаться в приятную головокружительную пропасть легкого и радостного сна.

Крисп пытался задержаться на гребне этой пропасти, и представить, как завтра утром сообщит своим рабам... своим бывшим рабам, что они свободны, но – не мог. Он только слышал: «семь... восемь...».

А когда Марцелл произнес слово «десять», он уже спал...

5

- Что? – в один голос воскликнули Сувор и Злата.

- Крисп, вставай!

- Ну, отец...

- Вставай, я знаю, что ты давно уже не спишь! Иди, приведи себя в порядок, умойся, а я пока соберу нам завтрак!

Крисп сладко потянулся, вскочил с лежанки, и выбежал из каюты.

В глаза ему ударило яркое, не по-утреннему жаркое солнце.

На палубе было уже многолюдно. Матросы сновали туда-сюда. Юнга сидел высоко на мачте,

всматриваясь в даль. Готовился завтрак. Отец Нектарий о чем-то переговаривался с пассажирами. Заметив Криспа, он приветливо кивнул и улыбнулся, словно говоря свое обычное: «всё хорошо... всё хорошо будет!»

Было по-прежнему безветренно. «Тень молнии» все также медленно шла на веслах, с зарифленными парусами.

Заспанный Гилар что-то строго выговаривал келевсту. Тот виновато разводил руками и показывал на вконец измученных непосильным трудом гребцов. Крисп быстро плеснул себе в лицо несколько пригоршней воды из медного умывальника и покосился на нос корабля. Его рабы еще спали, сидя, прислонившись друг к другу. Они даже не подозревали, какая радость ждет их сегодня.

Когда он вернулся в каюту, на столике уже лежали сушеные смоквы, козий сыр и лепешки. Крисп с отцом молча принялись есть их: Марцелл запивая разбавленным вином, а Крисп - водой из кувшина. Он ел, не спеша, наслаждаясь мыслями, как объявит рабам о том, что они свободны.

«Сказать им сразу или сначала подготовить их?» - размышлял он.

- Хорошо спал, сынок? - первым нарушил затянувшееся молчание Марцелл.

- Да, - рассеянно кивнул Крисп и, припомнив что-то очень хорошее, с просветлевшим лицом добавил. - Всю ночь мама снилась!

- Я так и понял, - дрогнувшим голосом вымолвил отец. - Ты так хорошо улыбался во сне...

- А ты что - не спал до утра?!

- Да как бы тебе сказать...

Крисп замолчал, решив остановить самую большую для отца тему.

Но тот вдруг сам продолжил ее:

- Ты так долго шевелил губами... что - разговаривал с ней?

- Нет! - покачал головой Крисп, - я... молился.

- Молился? Кому?!

- Ты же сам знаешь, отец...

Марцелл поперхнулся и нехотя уточнил:

- И - о чем же?

- Как всегда: просил благословения у Бога на сегодняшний день, счастливого плавания, здоровья: тебе, знакомым, императору...

- Не понимаю... - поджал губы отец. - Деций приказал казнить вас, мучить, пытать, жечь! И ты молишься за него?!

- Конечно, - как о само собой разумеющемся, подтвердил Крисп.

- Император сам не ведает, что творит. И потом Христос подал нам пример, когда молился за своих обидчиков и тех, кто распинал его.

- Не понимаю я этого... - проворчал Марцелл. - Ну, да ладно! Вот тебе то, что просил! - протянул он исписанный крупными буквами лист папируса.

- Что это? - не понял Крисп.

- Как что? Вольная для твоих рабов!

- Отец!..

- Ладно, ладно, будет тебе!

Марцелл быстро допил вино и показал рукой на кувшин.

- Лекарь вчера сказал, что на корабле уже два человека больны животом. Неизвестно, сколько мы еще будем плыть на одних веслах. Так что поменяй эту воду на свежую! Ну, - поднялся он, - я пойду, пока твой Нектарий не продолжил свой вчерашний спор с нашим жрецом.

- Кстати, а как он? - встрепенулся Крисп, услышав родное имя.

- Если честно, держится молодцом. Но зря сопротивляется! Хотя, конечно, в его ответах есть кое-что, с чем трудно не согласиться, жрец сегодня наверняка одолеет его!

Марцелл с видом победителя покинул каюту, а Крисп сделал из папируса свиток и бережно спрятал за пазуху.

Ему хотелось сразу же броситься к рабам. Но, выполняя указание отца, он сначала набрал в кувшин воду из большого чана, заткнутого глиняной пробкой и только после этого направился к ним.

Проснувшиеся и тоже позавтракавшие, они, поспешно встав, поклонились ему, как своему господину.

Крисп смутился и велел рабам немедленно сесть.

Он уже потянул руку за свитком папируса, как вдруг похолодел от неожиданной мысли: если Злата станет свободной, она перейдет на корму, куда путь для него закрыт, и они уже не смогут быть рядом!

«Но не сразу же они уйдут туда! - принялся успокаивать он себя. - Я могу не говорить им об этом, а они сами могут не догадаться!»

Решив так, Крисп с торжественным лицом достал свиток и сказал, не узнавая собственного голоса:

- Вот, это - вам!

Сувор вопросительно посмотрел на него.

Млад протянул руку к свитку.

А Злата, хмыкнув, отвернулась и стала безучастно смотреть на море.

Крисп, минуя ждущие пальцы мальчика, протянул свиток Сувору и, обращаясь больше к дочери, чем к отцу, произнес:

- Вы - свободны!

- Что? - в один голос воскликнули Сувор и мгновенно обернувшаяся Злата.

- Свободны! - повторил Крисп. - Я попросил своего отца, и он согласился выдать вам эту вольную!

- И мы... больше не рабы? - веря и не веря ему, переспросила девушка.

- Не отработав? Не выкупив себя? Но - почему? - в полном недоумении воскликнул Сувор.

Крисп немного подумал и с улыбкой ответил:

- Мой Бог учит любить ближнего так же, как самого себя. А я не хотел бы быть рабом....

- Так значит, все это - благодаря Ему? - Сувор показал глазами на отца Нектария, затем на небо и жестом велел дочери бросить куклу-богиню за борт. - Отныне мы будем поклоняться только этому Богу! Слыхала?

Девушка отрицательно затрясла головой и прижала куклу к себе.

Мужчина строго сказал ей несколько слов на незнакомом языке и требовательно протянул руку, но Злата прижала куклу еще крепче, давая понять, что, скорее сама бросится в море, чем отдаст ее.

Крисп посмотрел на них и понял, что сам должен велеть им пойти на корму. Пусть это будет его последнее приказание своим бывшим рабам. Пусть он больше не сможет быть с ней. Главное - чтобы она спаслась.

«Все равно - скоро разлука, - с грустью подумал он. - И что же - она так и останется в своем язычестве, с этой куклой? Откуда ей в Дакии узнать про Христа? Нет, пусть уж лучше послушает отца Нектария!»

Крисп остановил Сувору и велел ему собирать вещи.

Узнав, что они уходят на корму, Млад заметался между отцом и сестрой, пытаясь узнать, что произошло. Сувор объяснил ему, в чем дело. Тот порывисто обнял Криспа, показал ему свою старую монету и стал смотреть на него, не сводя умоляющих глаз.

- Чего он хочет? - не понимая, обратился к девушке Крисп.

- Он спрашивает, когда ты освободишь и нашу маму... - опустив голову, тихо ответила та.

- Маму? - недоуменно переспросил Крисп.

- Ну, да! - Злата повернула к нему лицо и сказала то, от чего Крисп сразу понял причину ее враждебности к нему! - Когда торговец рабами привез нас в Афины, на маму сразу нашелся покупатель. Зря отец гневается на нашу богиню. Это был очень добрый и порядочный человек. Мы уговорили его не разлучать нас. Отец обещал работать за десятерых. Я тоже делать все, что он пожелает! И тогда он согласился купить нас всех. Но у него не хватило денег. Он пошел домой за недостающей суммой, и тут появился ты с отцом...

- И... разлучил вас?

- Да...

- О, Боже! Что я наделал!

6

«Плутий! - вдруг осенило его. - Вот, кто сможет помочь мне!»

Первый порыв невесть откуда взявшегося ветра, оказался, как нельзя кстати. Он охладил вспыхнувшее лицо Криспа.

- Брат не хотел расставаться с мамой, - тем временем продолжала свой грустный рассказ девушка, - и так вцепился в ее монисто, что оторвал монету. Он успокоился только после того, как мы сказали, что она спасет нашу маму. Да и когда твой отец приказал вести нас на корабль, он согласился идти лишь после того, как мы солгали, что ты выкупишь и её!

- Так вот почему он так хорошо относился ко мне!..

Крисп посмотрел на Злату, справедливо ожидая увидеть ее гневный взгляд, но на этот раз она смотрела на него совсем по-другому.

И странное дело - море начало темнеть, а ее глаза наоборот просветлели.

- Прости, поначалу я просто возненавидела тебя! Но теперь вижу, что ты не такой! И знаю, что делать! Мы вернемся в Афины, там я отдам себя тому доброму господину взамен мамы, а потом отец выкупит и меня!

- Нет! Не надо! - испуганно остановил ее Крисп. - Только не это! Я сам... что-нибудь придумаю...

Он вскочил с лавки, прошелся по палубе вперед-назад, и остановился, не зная, куда идти дальше.

«Придумаю! Но - что?»

Задача была проста: нужно только достать денег, чтобы выкупить мать Златы. Но где взять их здесь - на корабле? Он даже не знал, сколько стоит рабыня!.. К отцу после того, что он сказал о всех рабах Дакии, не подойти... К купцу - тоже, он сразу начнет просить продать их...

«Плутий! - неожиданно осенило его. - Вот, кто сможет помочь мне!»

Крисп бросился на поиски Плутия Аквилия. Тот стоял у чана с водой и что-то там делал. Увидев Криспа, он почему-то испугался и торопливо спрятал свой волшебный платок.

- Плутий! - не обращая на это внимания, умоляюще обратился к нему Крисп. - Скажи, сколько стоит рабыня?

- Смотря какая!

- Красивая, умная, работающая...- подумав о девушке, стал перечислять Крисп.

- Ну, такая рабыня стоит немалых денег! Я полагаю - два, а то и три золотых!

- Три золотых?!

Крисп был ошеломлен такой большой суммой.

- Где же мне взять столько? – невольно вырвалось у него.

Плутий Аквиллий с любопытством посмотрел на него и усмехнулся:

- Можно, конечно, сделать из нашего легкого и быстрого корабля пиратский и захватить торговое судно! Но ведь ты же на это не согласишься?

- Конечно! Я хочу, чтобы все было по-честному...

- Тогда... давай сыграем с кем-нибудь в кости! У меня есть такие, что... - тс-сс! - еще ни разу не подводили меня!

- Я же сказал: по-честному! – с упрёком напомнил Крисп. – Игра в кости запрещена императором! И вообще, я ни разу не брал их в руки...

- Как! Ты не играл ни разу в жизни? – изумился Плутий. – Тогда тебе непременно надо сыграть! И ты обязательно выиграешь!

- Ты так думаешь?

- Думаю? Уверен! Новичкам всегда везет! И, в конце концов – тебе или мне нужны деньги?

- Но это же преступление...

- Какое преступление? – засмеялся Плутий.

- Сам божественный Октавиан Август играл и ничего! Значит, так: у тебя есть, на что играть?

- Да! – вспоминая про заработанный денарий, кивнул Крисп.

- Тогда жди меня здесь, и я приведу человека, у которого ты выиграешь свои три золотых!

Глава седьмая

1

- Так-то оно лучше! – довольно потёр ладони Гилар.

Пока Крисп разговаривал с Плутием Аквиллием, на корабле произошли немалые изменения. За первым порывом ветра последовал второй, третий... и хотя море по-прежнему было гладким, а небо чистым, ветер стал дуть, не переставая.

Юнга Максим проворно спустился с мачты и со всех ног бросился в капитанскую каюту сообщать эту новость Гилару.

- Ну, наконец-то! – обратив лицо к ветру, обрадовался тот.

- Да! А то я уже боялся, что не хватит пресной воды! – принялся льстиво поддакивать юнга.

- И правильно делал! Я бы тогда с тебя за это три шкуры спустил! – усмехнулся капитан. –

Сколько ее осталось?

- В амфоре для господ чуть больше трети, а для рабов – меньше четверти... - судя по испуганному лицу, явно завысил цифры Максим.

- Почему так мало? - нахмурился капитан. - Небось, опять в последнем порту поленился заполнить их доверху?

- Да я столько воды в тот раз залил - чуть пробки не вылетели! - стал колотить себя кулаком в грудь юнга, но капитан перебил его:

- Ладно, побереги свою спину для другого случая! И благодари богов за то, что послали попутный ветер! – посоветовал он и заспешил на капитанский помост.

- Убрать весла! - слышался вскоре оттуда его громкий голос.

Гребцы тут же принялись вытаскивать вёсла и закрывать отверстия скалмами-щитками, а матросы кинулись на палубу, в готовности по первому приказу поднимать паруса.

- Поднять долон!

Малый треугольный парус – долон, словно человек, после долгого безделья, с хрустом потянулся, расправляясь, и захлопал на ветру.

- Поднять паруса!

- Есть, капитан!

Корабль слегка замедлил ход, пока убирали вёсла, а затем, набрав всю силу ветра в парус, выпущенной с тетивы стрелой, рванулся вперед.

- Так-то оно лучше! – довольно потёр ладони Гилар и крикнул келевсту: - Всем гребцам отдыхать! А завтра опять за вёсла!

Рабы, не дожидаясь, пока келевст повторит им приказ, встали со скамей и тяжело повалились на циновки в проходах – отдыхать.

После этого Гилар покинул капитанский помост. Матросы разошлись по своим делам. На палубе снова стало неинтересно.

Устав ждать Плутия Аквилия, Крисп перевел взгляд на корму, где уже находились его бывшие рабы.

Злата с отцом, перебравшись на новое место, сидели на самом краю, под косыми взглядами некоторых пассажиров. Они тихо переговаривались, очевидно, в который уже раз обсуждая нежданно-негаданную новость.

Млад подбегал к каждому встречному и показывал свою старую монету, что-то радостно объясняя жестами и пытливо заглядывая в глаза. Люди отворачивались от него, словно боялись закаменеть от тяжелого взгляда медузы-Горгоны. А может, прослышав его печальную историю, просто не зная, чем ему помочь...

- Всё, - объявил охранник, - игра окончена!

Наконец, Плутий подвел к Криспу обещанного человека. Это был... тот самый купец, который хотел купить у него рабов.

- Прости, что так долго! Всем почему-то интереснее там! - шепнул на ухо Криспу Плутий, показывая рукой на корму.

- Только этот согласился! И то при одном условии... Он хочет...

Купец приветливо улыбнулся и сам сказал то, что не успел договорить Плутий.

- Надумал? - кивая на рабов, обратился он к Криспу и с готовностью похлопал по заткнутому за пояс тугому кошельку. - Так сколько?

- Но я вовсе не собираюсь продавать их!

Он, ничего не понимая, посмотрел на купца, тот - на Криспа, а затем оба они - с недоумением на Плутия.

В этот момент к ним подбежал Млад и стал показывать свою монету. Купец отмахнулся от нее, а Плутий, поморщившись, с презрением сказал:

- Дырявая монета - самая никчемная вещь на земле. Ни купить на нее ничего. Ни в клад не положишь. Одно для нее место - в земле или на дне морском!

Он хотел отобрать у мальчика монету, но тот крепко зажал ее в кулаке и побежал, то ли жаловаться, то ли показывать охраннику, стоящему у курьерской каюты. Это был тот самый воин, которого Крисп однажды подменял во время болезни товарища.

Плутий с насмешкой посмотрел ему вслед и, вспомнив о купце с юношей, обвел их примирительным взглядом:

Ты, Крисп, хотел сыграть по-крупному в кости, ты, Диагор, - купить рабов! Я думаю, как-нибудь договоритесь, игра вас рассудит! А я пошел!

И беззаботной походкой направился в сторону амфор, но, увидев, что туда же идет юнга, развернулся и зашагал в противоположную сторону.

Оставшись вдвоем, Крисп с Диагором вопросительно взглянули друг на друга.

- Я, конечно, не прочь сыграть с тобой, - жадно облизнул губы купец. - Тем более, как сказал Аквиллий, по крупному. Но... что скажет твой достопочтенный отец?

- А он даже не узнает об этом - я ведь ему не скажу! - пообещал Крисп.

- А сядем мы так, чтобы он ничего не заметил!

- Да он и так ничего не заметит! - засмеялся купец.

- Твой отец так увлекся спором, что уже сам всю задает вопросы христианскому жрецу. А у меня от всех этих разговоров голова кругом идет!

- А что там происходит? - на мгновение забывая про игру, с живостью заинтересовался Крисп.

- Да ну их, не верю ни тому, ни другому. Я вообще никому не верю. Даже себе. Если кто однажды сумеет хоть в чем-нибудь убедить меня, поверю ему - сразу во всем! Так что, играем? С чего начнем?

Крисп достал денарий и показал купцу.

- Не густо, но, как говорится, аппетит приходит во время игры, - с вождением косясь на рабов, согласился Диагор.

Они сели под тень паруса, где не мог их видеть Марцелл. Купец разложил прямо на палубе игральную доску и положил на нее стаканчик с костями и свой денарий.

- Ты только сначала мне покажи, как это делается! - попросил его Крисп.

Диагор взял в руку стакан, помешал в нем кости и - дном кверху - опрокинул на доску.

- Вот так, - объяснил он. - А теперь - ты!

Крисп в точности повторил каждое его движение.

- Не густо! - изучив кости, развел руками купец. - Это самый худший бросок из всех, что только могут быть, и называется он - «собака». Теперь давай посмотрим, что выпадет у меня... Итак, раз... два... Хвала богам! «Венера» - самый выигрышный бросок.

Не успел Крисп и глазом моргнуть, как его денарий перекочевал в пухлую, влажную ладонь купца.

- Ну, а на что ты играешь теперь?

Купец с надеждой покосился на бывших рабов Криспа, даже не подозревая, что они уже свободные люди, но Крисп вдруг воскликнул:

- Погоди, я сейчас!

И помчался в каюту. Здесь он нашел одежду, которую купил ему отец в Афинах и выскочил с ней на палубу.

Охранник проводил его удивленным взглядом. И стал внимательно присматриваться к тому, что происходит под тенью парусника.

А там Крисп, вернувшись, показывал одежду Диагору.

- Вот, смотри! Совсем новая!

- Я вижу! - ощупывая дорогой хитон, кивнул купец.

- И очень дорогая! Я в ней на приеме у самого императора был...

- Я понимаю, - повторил купец и решительно объявил: - Десять денариев!

- Так мало? - поразился Крисп.

- Насколько я помню, отец платил намного дороже!

- Ну, хорошо, только из уважения к твоему отцу - двадцать денариев и не ассом больше.

- Ладно, давай! - махнул рукой Крисп. - Только теперь ты бросай первым!

Купец, тщательно поболтав стакан у самого уха, опрокинул его на игральную доску. И снова у него выпала «Венера». Крисп, как не старался, опять проиграл, и его одежда перекинулась на колени купца...

- Ну, что теперь играем на них? - впервые выказывая свое желание, кивнул на рабов Диагор.

Нет! - решительно помотал головой Крисп. - Я сейчас что-нибудь придумаю! Подожди меня!

«Придумаю... Но - что? Где мне достать деньги, чтобы выиграть хотя бы один золотой? Золотой?!»

Он бросился со всех ног к отцу и, путаясь в словах, попросил вернуть монету, которую тот подарил ему на счастье.

- Я же тебе говорил не подходить сюда! - напомнил Марцелл, не отводя его, как прежде, подальше от кормы, и Крисп смог услышать обрывок спора.

- Что твои боги обещают человеку после смерти? - спрашивал отец Нектарий.

Жрец пожимал плечами и бормотал в ответ что-то невнятное.

- Зачем тебе ауреус? - спросил Марцелл, доставая монету. - Надеюсь, на этот раз он пойдет на благие цели?

- Да, конечно! На самые благие! - пылко заверил отца Крисп и поспешил вернуться к Диагору.

- Вот! - показал он ему золотой.

Глаза купца алчно вспыхнули. Он порылся в своем кошельке и положил рядом с золотой монетой - свою. На ней был изображен предыдущий император, Филипп Арап. Тот самый, которого сверг и убил, вместе с его женой и сыном, Деций. На этот раз Крисп сделал очень удачный ход, но у купца снова выпала «Венера», и его ауреус также исчез в бесчисленных складках его халата.

Крисп растерянно огляделся вокруг, больше ему не на что было играть...

- Ну, - чувствуя, что наступил момент, которого он так ждал, довольно сказал купец. - Играешь ты, наконец, на своих рабов? Так уж и быть, ставлю против них - три ауреуса! Вот, смотри, раз!.. два!.. три! - со звоном выложил он на игральную доску три золотые монеты.

- Я не могу! - отрицательно закачал головой Крисп и вдруг почувствовал, что кто-то настойчиво трясет его за локоть. Он оглянулся и увидел Млада. Тот что-то мычал, протягивая Криспу свою монету.

- После... сейчас мне не до тебя! - отмахнулся от него Крисп.

Но мальчик упрямо предлагал монету, показывая глазами на игральную доску.

- Гляди, тоже не прочь сыграть! - захохотал купец, - А может, хочет помочь тебе отыгаться? Ну что ж... Ставлю против нее твой денарий.

Чувствовалось, что он готов поставить и больше, лишь бы только Крисп продолжил игру.

- Ладно! – согласился Крисп, и тогда охранник, не выдержав, растолкал спящего поблизости напарника и попросил подменить его...

Тем временем Крисп, не замечая ничего на свете, сделал свой бросок. Он был бы победным, если бы опять не купец... Он знакомо потряс над ухом стакан и опрокинул его на игральную доску. Одна кость, как это уже случалось не раз, отскочила в сторону. Диагор склонился, ища ее и, бормоча:

- Ну, а теперь мы уже точно будем играть на твоих рабов... - вдруг осекся, потому что на его руку вдруг наступила тяжелая, подбитая гвоздями, военная калига.

Это был подоспевший, как нельзя кстати, охранник. Он грубо поднял ладонь купца, и Крисп с изумлением увидел, что под ней не одна, а... две кости!

Охранник внимательно изучил их. Одну кость со словами: «Это настоящая», – он положил на игральную доску. А другую, широко размахнувшись, бросил в море.

- А это – фальшивая!

После этого воин достал из кармана свои потертые до блеска игральные кости и протянул купцу.

- А теперь давай-ка по-честному!

Купец, было, запротивился. Но охранник недвусмысленно положил пальцы на рукоять меча и грозно сказал:

- Ну?!

Диагор глубоко вздохнул и повторил свой бросок. Крисп, даже не успев подсчитать очки, уже понял, что отыграл свой денарий.

Не прошло и минуты, как он вернул себе одежду, золотую монету с буквой «F», подаренную на счастье отцом. Купец, не желая расставаться с мыслью, что рабы не достанутся ему, вошёл в такой азарт, что, несмотря на то, что проигрывал раз за разом, всё увеличивал ставки. Надеясь в начале игры, что Криспом овладеет азарт, он сам же попал в эту ловушку.

Кончилось все тем, что Диагор в самый решающий момент выбросил «собаку» и проиграл пять золотых.

- Всё, – объявил охранник, – игра окончена!

- Это нечестно!.. – начал, было, купец, но он так взглянул на него, что тот попятился и ушел, забыв даже прихватить игральную доску. Охранник сгреб с нее золотые монеты, и сам вложил их в ладонь растерявшегося Криспа...

3

- Нет! – наконец, не выдержал Марцелл...

Крисп держал на ладони выигранные золотые монеты и незаметно от отца разглядывал их.

Марцелл, ошеломленный тем, что отец Нектарий одержал верх в споре и над многоопытным жрецом, молча пересчитывал свои эдикты.

«Надо же, - радостно думал Крисп, - всего пять желтых кружочков, все они вместе - легче куска глины. А сколько добра можно на них сделать. Сколько счастья принести людям!..»

Он представлял, как обрадуется Злата, когда получит их, и отворачивался, чтобы отец не видел его улыбки и сияющих глаз.

Но, очевидно Марцелл видел перед собой только беспомощное лицо жреца и вдохновенные глаза отца Нектария.

- Нет! - наконец, не выдержал он. - Конечно, в том, что говорит этот Нектарий, есть немалая доля истины. Допускаю, что, даже большая ее часть. Может, и вся истина. Но... он поднял над головой один из свитков с императорской печатью, и так и застыл с ним. - Кто мне докажет, что всё, о чем он говорит - правда? Ведь всё это - только слова! Быть может, Христос, действительно, совершил массу чудес. Но пока я лично, сам, своими глазами не увижу хотя бы одно чудо... - Чему улыбаешься? - заметив улыбку на лице сына, нахмурился он. - Ни за что не поверю!

4

- Что?! - думая, что ослышался, вскричал юнга.

Выйдя из каюты, Крисп увидел, что на носу корабля непривычно пусто. Настроение его, такое хорошее, радостное с утра, сразу же стало под стать ненастной погоде.

Море было беспокойным и темным. Тяжелые, низкие тучи, словно играя с солнцем, то прятали его, то нехотя отпускали обратно. Крисп перевел взгляд на корму - там были только Злата с братом. Суворя рядом с ними не было.

Он прошелся по палубе и увидел, что тот...сидит рядом с гребцами, с натугой поднимая и опуская тяжелое неповоротливое весло.

- Как? Опять? - нахмурился он и возмущенно крикнул келевсту: - Я же сказал больше не трогать его!

- А я тут при чем? - отозвался келевст, не прекращая ритмично хлопать в ладоши. - Он сам пожелал!

- Да, - подтвердил Сувор и виновато объяснил Криспу: - Мне ведь теперь нужны деньги, чтобы выкупить жену и вместе с детьми вернуться на родину. Вот я и подумал: зачем терять время, если можно начать зарабатывать прямо здесь и сейчас. К тому же я как-то не привык без работы!..

Услышав про деньги, Крисп вспомнил про пять золотых, зажатых у него в кулаке. Он хотел здесь же отдать их Сувору, но, покосившись на остальных гребцов, решил, что лучше будет подождать. Жалко было этих измученных, одиноких людей - им ведь никто не мог помочь. Не мог же он, и правда, освободить всех обращенных в рабство людей! И потом, ему хотелось отдать деньги именно Злате. Но, как это можно было сделать, если она теперь находилась на корме?..

Он прошел на нос корабля и опустил на осиротевшее без нее место. Почему-то хотелось

сесть именно там, где сидела она.

Крисп незаметно покосился на корму и стал глядеть на то, что творится вокруг.

По палубе, выполняя команды Гилара, сновали матросы. Протащил куда-то тяжелое медное ведро юнга Максим. Потом появился Плутий Аквилей, за которым, словно тень, крадучись, следовал Млад. Плутий подошел к амфоре, в которой была вода, предназначенная для господ. Посмотрев по сторонам, плеснул немного воды в стоящую около нее глиняную кружку, выпил, затем вынул волшебный платок и принялся что-то там делать. Наконец, он распрямылся, приложил смоченный платок ко лбу и направился на корму, где позевывая украдкой, принялся делать вид, что внимательно слушает отца Нектария. Что-то странное и подозрительное было во всем поведении этого Плутия... Крисп так увлекся, наблюдая за ним, что даже не заметил, как к нему подошла и села рядышком Злата. Только неожиданно услышал ее приветливый голос:

- Доброе утро!

Крисп мгновенно повернул к ней голову, и глаза его вспыхнули радостью. Девушка была без платка, удивительно голубоглаза и красива. Хотя небо было темным, и солнце совсем исчезло в тучах, вокруг разом все изменилось и стало удивительно светло.

- Здравствуй! - отозвался Крисп. Он немного помолчал, собираясь с духом, а затем разжал кулак и протянул золотые. - Вот, держи!

- Что это? - с недоумением взглянула на монеты Злата.

- Деньги. Чтобы ты не вздумала продавать себя! Я же сказал, что что-нибудь придумаю...

- Так значит... - девушка во все глаза уставилась на него и, явно досадуя на себя, покачала головой: - А я увидела, как ты играл вчера в кости, и уж опять было подумала...

- Что у тебя горе, а я развлекаюсь?

- Да... - опустив голову, призналась Злата, но тут же подняла ее и решительно встряхнула золотистыми волосами: - Но, потом решила, что ты не такой!

Крисп сам вложил ей в руку золотые.

- Ой! - смутилась та. - Я даже не знаю, можно ли мне брать их... А сколько здесь? Я никогда не видела таких больших денег!

- Я тоже, - признался Крисп.

- Но точно знаю, что на них можно выкупить вашу маму, вернуться домой и еще вам останется, на что жить первое время.

- Но так не бывает! Это какое-то чудо... мечта... сон наяву! - как-то испуганно взглянула на него девушка. - Слушай, а может ты - бог?

- Нет. Я только раб Божий. А мой Бог велит помогать всем людям и любить их, как самих себя. Даже чужих. А ты для меня - не как все... не чужая... ты...

Крисп запнулся и покраснел. Злата тоже смутилась.

- Тогда... - обрадовавшись спасительной мысли, быстро предложила она, - можно я побегу порадовать отца и брата?

- Конечно! - согласился Крисп но, вспомнив о гребцах, попросил: - Только, пожалуйста, когда он будет один.

Они помолчали. Крисп стал смотреть на отца Нектария, к которому подошел купец Диагор и о чём-то спросил. Марцелл уже сидел рядом с пресвитером и внимательно прислушивался ко всему, что говорится.

- Твой отец такой большой начальник, - тоже глядя на корму, с уважением сказала Злата. - А кем хочешь быть ты, когда станешь взрослым?

- Не знаю, - пожал плечами, слегка озадаченный таким вопросом, Крисп.

- Я как-то еще не думал об этом...

- Воином? Тебе очень идет оружие! Представляю, как ты будешь выглядеть в блестящих доспехах и шлеме!

- Нет, это вряд ли! - с сомнением покачал головой Крисп.

- Тогда - капитаном?

- Тоже нет! Мне предложили стать помощником сына императора, - Крисп достал денарий и показал девушке изображение цезаря Геренния Этруска.

- Вот он!

- Похож! Я... видела его, - мельком взглянув на монету, сказала Злата. - И отца его тоже.

- Как, ты видела Деция? - обрадовался Крисп.

Девушка вдруг нахмурилась и попросила его спрятать монету.

- Да, но лучше бы мне его было не видеть! Прости, я понимаю, ты римлянин, он - император. Но это ведь он напал на Дакию, сжег мой город, превратил нас в рабов. И если бы не ты...

- Что я?.. Он хочет уничтожить и всех моих братьев по вере! - со вздохом признался Крисп.

- И ты пойдешь на службу к его сыну? - удивленно взглянула на него Злата.

- Кто тебе сказал, что пойду? По-моему, я только сказал, что мне предложили!

- И ты... откажешься?

- Да.

- Быть помощником самого цезаря? Стать одним из самых главных начальников в Риме?!

- Конечно!

Злата с уважением оглядела Криспа и уже деловито сказала:

- Не надо быть тебе воином. Я не люблю, когда убивают. Иди лучше капитаном. Ты смотрелся

там, - показала она пальцем на капитанский помост, - как настоящий наварх...

Девушка осеклась на полуслове, и Крисп неожиданно понял, что оказывается, не только он поглядывал на нее. И она догадалась, что ее тайна раскрыта.

Теперь оба они покраснели. Молчание явно затягивалось, и вдруг Злата, уже не так радостно, как, собираясь показывать монеты отцу, а с тревогой, воскликнула:

- Что он делает?

- Кто? Где? - сразу оживился Крисп.

- Млад! Ты только посмотри на него!

Девушка кивнула в сторону амфор, и Крисп увидел, что ее брат, откупорив одну из них, выливает из нее на палубу воду. Не сговариваясь, они бросились к нему. Злата - первая, за ней, опережая её, Крисп. Но первым у амфор оказался юнга Максим.

- Ах, ты, мерзавец! Негодяй! - замахнулся он на Млада, но Крисп перехватил его руку.

- А ну, отпусти его!

- Да ты только посмотри, что он наделал! - вырвавшись, показал на мальчика юнга.

Он заглянул в амфору и, чуть не плача, простонал:

- Вылил всю воду для господ! Капитан же убьет меня за это!

Мальчик спрятался за спину Криспа и, мыча, пытался объяснить ему что-то.

- Постой, потом скажешь! - остановил его Крисп и обратился к Максиму: - Ты вот что... сходи-ка к отцу Нектарию. Он поможет!

- Да что мне какой-то Нектарий?! - простонал юнга. - Теперь мне сам Зевс не сможет помочь!

Тем не менее, он покосился на стоявшего у рулевого весла капитана и неверными шагами направился к пресвитеру.

Отец Нектарий внимательно выслушал его и, поняв всю серьезность положения, сказал:

- Ничего. Только не бойся. Все хорошо будет. Наполни скорее пустую амфору морской водой!

- Что?! - думая, что ослышался, вскричал юнга.

- Делай, что я сказал! - не терпящим возражений тоном, спокойно повторил пресвитер. - И как можно скорее.

Оглядываясь и спотыкаясь на каждом шагу, юнга прошел к борту, взял ведро и быстро наполнил амфору горько-соленой морской водой. Закончив эту работу, он кошкой вскарабкался на мачту, намного выше обычного, и стал наблюдать, что будет дальше.

5

- Пей! - наполнив кружку, приказал юнге Гилар.

Долго ждать ему не пришлось. Вскоре один из господ захотел выпить. И им оказался не кто иной, как сам императорский курьер!

Не желая тратить лишнего времени на то, чтобы спуститься в каюту и выпить из кувшина, Марцелл подошел к амфоре, налил полную кружку воды и торопливо сделал большой глоток. Юнга в ужасе зажал рот кулаком. На Марцелла страшно стало смотреть: глаза его полезли из орбит. Лицо брезгливо исказилось. Подскочив на месте, он бросился к борту и, выплевывая воду, стал кричать, зовя Гилара:

- Что у тебя в амфорах, бездельник! Ты что, отравить меня решил?!

Отец Нектарий, отвлекшийся разговором с купцом, извинился перед ним и быстро перекрестил амфору крестом...

Тем временем, Гилар, почуяв неладное, подбежал к Марцеллу. Узнав, в чем дело, он сначала уговаривающими знаками, а потом недвусмысленными жестами кулаком стал звать к себе юнгу.

Тот медленно спустился с мачты и с обреченным видом подошел к амфоре.

- Пей! - наполнив кружку, приказал юнге Гилар.

Шумно вздохнув, Максим прижал ее к губам, закрыл глаза, сделал глоток, затем второй... и вдруг стал пить частыми и быстрыми глотками. Осушив кружку до дна, он протянул ее Гилару. Лицо его выражало не отвращение, а крайнюю степень изумления и страха, с которым он покосился на отца Нектария. Гилар недоуменно посмотрел на него, на Марцелла, плеснул воды себе и тоже выпил.

- Что это с тобой, Марцелл? - удивленно спросил он.

- Вода как вода. С чего это ты взял, что она - морская! Обычная, пресная. Пожалуй, даже лучше, чем вчера. И... амфора полная? Молодец! - постучав по амфоре, похвалил он юнгу.

- Я тебя ругал, а ты, оказывается, про запас еще одну амфору набрал? Вот что значит, мое воспитание!!

Теперь уже Марцелл, ничего не понимая, посмотрел на юнгу, на капитана... Тоже налил себе воды, попробовал ее сначала языком, а потом выпил до дна.

- Да, обычная, пресная...ничего не понимаю! - развел он руками.

Недоуменно переговариваясь, что это вдруг стало с господином императорским курьером, капитан с юнгой разошлись по своим делам.

И только Марцелл по-прежнему оставался на месте.

Он так и стоял, трогая то кружку, то амфору, по-прежнему ровным счетом не понимая ничего.

И только Крисп понимал, что произошло на самом деле.

Понимал и был счастлив: отец не только увидел чудо, но даже попробовал его!

Глава восьмая

1

«Тень молнии» превратилась в грозный военный корабль...

Крисп со Златой сидели на носу корабля, под тенью акростолия, и тихо разговаривали. Крисп рассказывал девушке о Риме с его величественными площадями, мраморными дворцами, статуями и огромным амфитеатром. Та не верила, а когда он спрашивал: «А как у вас?» - она говорила о Дакии, ее реках, озерах, лесах, и тогда уже он удивлялся, как необычна ее родина. И как чисты и умны даки, которых римляне называют варварами.

За весь этот день произошло только одно событие. Маленькое, короткое, но такое, что мгновенно могло перевернуть судьбы обоих. Корабль едва не попал в руки пиратов. Если бы только это случилось, тогда бы все на нём от Марцелла до Млада стали рабами. К счастью, юнга вовремя заметил их и сообщил об опасности.

- Где, где пираты? - кричали ему люди.

- Да вон они, видите - черный парус!

- Меня предупреждали, если увижу такой, мчаться от него на всех своих парусах! - с тревогой сказал Марцеллу Гилар.

Тот изменился в лице и велел капитану с пассажирами готовиться к обороне.

Матросы потащили к бортам корзины с метательными ядрами, луки, стрелы. Пассажиры кинулись к ним и разобрали оружие, с готовностью до последнего отстаивать своё право на жизнь и свободу. Кто-то из малодушных предложил дать выкуп пиратам. Но его даже не стали слушать.

- Разве можно им верить? - возмутился купец, первым берясь за лук.

В несколько минут из мирного и спокойного судна «Тень молнии» превратилась в грозный военный корабль.

Оба охранника бросились на корму к Марцеллу, в готовности защищать его до конца.

Гилар приказал поднять все паруса и посадить на весла самых сильных и выносливых гребцов.

Сувор, подбежав к ним, оттолкнул одного из них, непригодного, по его мнению, для такого дела, и сам сел за весла.

Келевст хлопал так, что отбил себе все ладоши.

Злата поймала мечущегося между людьми Млада и крепко прижала к себе.

Крисп тоже готов был обнять её и защищать в случае опасности. Он бросился в каюту, где у него хранился маленький кинжал и неожиданно увидел выходящего оттуда Плутия.

- Как, ты? - удивленно спросил Крисп.

- Да, я хотел предупредить тебя об опасности, но как вижу, ты уже знаешь всё сам! - держа за

спиной руку, натянуто улыбнулся Аквиллий.

Снова что-то подозрительное было в его поведении. Но разве сейчас было до этого?

Крисп только махнул рукой и побежал к носу корабля.

С кинжалом в руке, он был готов вместе со всеми дать настоящий бой пиратам.

Но, к счастью, всё обошлось. Матросы подняли все паруса, гребцы работали, не жалея сил, и «Тень молнии» без труда ушла от пиратов, в очередной раз доказав, что это самое быстроходное судно римского флота.

Паника улеглась, охранники возвратились на свой пост у каюты. Юнга получил награду от капитана, уже вторую за последние два дня. Марцелл на радостях разрешил пассажирам плыть, куда им угодно. Гилар, вроде бы, обрадовался этому сообщению, хотя по глазам его было заметно, что он по-прежнему таил на Марцелла злобу. А Крисп снова сел с девушкой на нос корабля, и они, словно ничего не случилось, продолжили свой разговор...

2

- Не надо успокаивать меня! - укоризненно покачал головой Марцелл.

Крисп с Марцеллом, как обычно, коротали последний перед заходом в очередной порт, вечер в своей каюте. За бортом поплескивала волна, чуть слышно скрипела обшивка. Это был самый счастливый вечер за все время их путешествия!

- Надо же! - крутил головой Марцелл, - своими глазами, да что там глазами - собственным языком попробовал чудо! Ты даже не представляешь, какой горькой и противной была эта вода!

- Ну, почему, представляю. Я тебя видел в это время!

Они посмеялись, и Крисп уже серьезно попросил:

- Ты только Гилару ничего не говори. А то он и правда уьёт юнгу, и Младу достанется.

- Зря ты не дал высесть этого негодного мальчишку! Не понимаю, зачем он так сделал?

- Я и сам не могу это понять!

- А отец Нектарий, представляешь, уже и купца убедил! Меня тогда не было, я даже представить себе не могу - как ему удалось это? Ведь пройдоха купец любую ложь за версту чует!

Крисп вспомнил слова Диагора и сказал:

- Очевидно, купец поверил ему в чем-то небольшом. А так как он не верил никому и никогда, то, благодаря этому, поверил во всё и сразу, то есть - в Бога.

Марцелл пододвинул к себе сумку с эдиктами, готовясь, как обычно пересчитать их. Немного помолчал. А потом, взглянув на сына, задал вопрос, который хотел задать, наверное, уже давно:

- А маму ты видел - как?..

- Радостной, улыбающейся! Такой счастливой, какой я ни разу не видел её в жизни!
- Ну, почему? Помнишь, как нам хорошо было в старом доме? Вот бы, и правда, так вечно - втроем, хоть в хижине!
- Зачем в хижине? Мамино жилище теперь больше, чем самый прекрасный дворец любого земного царя!

Марцелл с изумлением посмотрел на сына:

- Ты говоришь так, будто побывал у нее в гостях... Неужели там, и правда, так хорошо, как говорит отец Нектарий?
- Лучше! Еще лучше, отец!!
- Не надо успокаивать меня! - укоризненно покачал головой Марцелл, беря первый эдикт. - Я и так... уже... почти верю...
- Но я говорю правду! - горячо возразил Крисп.
- Я действительно видел... Да, так же, как сегодня ты попробовал воду, я видел это собственными глазами!
- Как... Ты видел рай?!
- Не знаю, рай это был, или ещё что... - пожал плечами Крисп. - Но когда отец Нектарий крестил меня, я увидел такое ... что не могу даже описать тебе. Там, там... - лицо его засияло, он жестами попытался помочь себе, но не сумел и беспомощно посмотрел на отца. - Нет, не могу. Для этого на свете нет подходящих слов!
- Один, два, три, четыре, пять... - считая, кивнул ему отец. - Ничего. Даст Бог, увидим еще. Вот доплывем до последнего порта, возьмем с собой отца Нектария... шесть, семь, восемь, девять... девять... ох, и замечтался я с тобой, даже со счета сбился!

Марцелл улыбнулся сыну и снова стал пересчитывать эдикты.

- Один, два, три, четыре, пять, шесть...
- Ну, почему замечтался, так будет на самом деле!
- ... семь, восемь, девять... девять. О, боги! - лицо Марцелла смертельно побледнело, он вытряхнул содержимое сумки на койку и стал лихорадочно перебирать свитки. - Один, два, три, четыре...
- Что случилось, отец? - почувствовав неладное, подался к нему Крисп.
- Отойди, не мешай! Пять, шесть, семь, восемь, девять... девять!
- Да что же случилось?
- О, боги! Самое худшее, что только можно было ожидать - эдикт пропал!

- Плутий... - простонал юнга, - это все он!

...Обнаружив пропажу свитка с печатью, Марцелл, роняя сумку, бросился из каюты. Крисп, с упавшим сердцем, последовал за ним.

Он нашел отца у капитанского помоста, где тот взволнованным голосом говорил Гилару о пропаже.

- Важный эдикт, говоришь? - переспрашивал тот и, хотя в его голосе по-прежнему звучали злорадные нотки, в глазах промелькнул страх. Ещё бы: на вверенном ему судне случилось чрезвычайное происшествие - пропал важный документ! Гнев императора теперь вполне мог распространиться и на него!

- Да! - со вздохом подтвердил Марцелл,

- И какой же?

- О начале гонений на христиан и, представляешь, как назло, именно тот, который я должен отдать в этом порту.

- Плохи твои дела! - покачал головой Гилар, - до гавани осталось каких-нибудь три-четыре часа. И если за это время мы не отыщем его... Ну, ничего. Он никуда не мог деться с корабля и наверняка где-то здесь! Надо срочно начинать поиски!

- Да-да, ты прав! Нужно немедленно обыскать всех! Даже гребцов! - оживился Марцелл.

- Похититель вполне мог отдать его кому-то из них на время!

- Я немедленно сделаю всё, что ты говоришь! - с готовностью согласился Гилар.

- Тогда ты займись командой, а я - охраной и пассажирами!

Марцелл первым делом обыскал своих охранников, клявшихся, что они ни на миг не оставляли без присмотра каюту, разве что только тогда, когда готовились к отражению атаки пиратского корабля. Затем направился на корму и растолкал сонных пассажиров. Узнав в чем дело, они сами принялись помогать Марцеллу, выворачивая свои карманы и тюки.

Больше всех возмущался Плутий Аквиллий, у которого не было ни тюка, ни сумки. Он готов был сбросить с себя даже хитон!

Философ со словами: «Все свое ношу с собой!» показал свой посох, дырявый плащ и извинился, что у него нет даже хитона.

Марцелл с охранниками проверили всех пассажиров, однако ни у кого из них не оказалось похищенного эдикта.

Оставался один отец Нектарий. Марцелл подошел к нему и виновато сказал:

- Прости, но я не могу сделать исключения даже для тебя - служба!

- Я понимаю, - с понимающей улыбкой кивнул ему отец Нектарий и, разрешив охранникам обыскать себя, протянул Марцеллу свою дорожную сумку. Марцелл взял её, встряхнул, проверяя содержимое и тут на палубу... - Крисп даже глазам своим не поверил - выпал злополучный свиток с императорским эдиктом.

Марцелл первым бросился к нему, поднял и оглядел со всех сторон.

Печати на нем не было!

Никто не мог двинуться с места. Все словно потеряли дар речи от изумления.

Первым пришел в себя Марцелл.

- Ах ты, мерзавец! – воскликнул он, надвигаясь на пресвитера.

- Как ловко сумел провести меня! Усыпил своими сладкими речами мою бдительность, а потом... Куда девал императорскую печать, негодяй?!

Отец Нектарий смотрел на Марцелла, не в силах вымолвить ни слова. Он сам был ошеломлен всем происшедшим не меньше, чем тот. Прибежавший на шум Гилар узнал, в чём дело, и приказал корабельному кузнецу:

- Похитителя заковать, посадить на цепь и держать так до самого порта!

- Я сам разберусь с ним! – попытался остановить его Марцелл, но теперь Гилара было не удержать.

- Нет, я сам возьму это дело под свой контроль и лично доложу начальству о происшествии! – он уже без прежнего страха посмотрел на Марцелла и добавил: - А ты тоже хорош! Нашел, кому доверяться - христианину, против которого направлен этот эдикт! А может быть, это сговор? – с угрозой сдвинул он брови и твердой, уверенной походкой направился на капитанский помост.

- Спустить паруса! – слышались оттуда его более громкие, чем всегда, команды.

- Налечь на вёсла!

И, наконец, у самого входа в порт:

- Сушить весла! Отдать якорь!

Гремя цепью, матросы выполнили эту команду и спустили трап. Первым по нему бесшумной тенью метнулась вниз и скрылась на пристани фигура Плутия Аквилия. Следом за ним быстрой походкой сошел капитан.

Крисп стоял, не зная, что теперь делать, и вдруг почувствовал, что его опять настойчиво дёргает за руку Млад.

- А-а, ты, – узнал он его и попросил, - иди, поиграй с кем-нибудь другим, сегодня мне не до тебя!

Но мальчик не отставал. Он что-то просил умоляющими жестами и, наконец, непослушным языком выдал из себя:

- Т-т-там! Т-там!..

- Ну, что ещё там? – даже не замечая от огорчения, что мальчик заговорил, недовольно спросил Крисп.

- П-пошли! Там! Внизу!

Крисп нехотя направился за ним следом и вдруг в том месте, где недавно играл с купцом в кости, под тенью парусника увидел лежащего в луже крови юнгу...

- Что с тобой?! - бросился он к нему и вытащил изо рта кляп, в котором сразу узнал волшебный платок Плутия Аквилы.

- Он... Плутий... - простонал юнга, - это все он!

- Отец, все, кто здесь есть! Скорее! Сюда! - закричал Крисп.

Послышался топот, и сбежавшиеся люди окружили несчастного юнгу.

- Это он уговорил меня соврать про пиратов, - слабым голосом говорил тот, - он выкрал какой-то важный документ. А теперь, когда я стал не нужен ему, он...он... - юнга обвел глазами, склонившиеся над ним лица и остановился взглядом на отце Нектарии, - я слышал всё, что ты говорил... - он сделал попытку привстать и, потеряв от этого последние силы, прошептал: - Прошу, умоляю...ради вашего Бога... скорее - крести меня!

- Конечно, хорошо, я сейчас... - опускаясь перед ним на колени, торопливо согласился отец Нектарий.

Велев всем отойти, он попросил матросов, как можно быстрее, принести воды, вынул крест, окунул его в поставленное перед ним ведро и быстро-быстро начал читать молитвы.

- Что он делает? Разве сейчас можно терять время? Пока он жив, нужно срочно узнать, где печать! - простонал Марцелл, бросаясь к юнге, но Крисп решительно преградил ему путь.

- Отец, остановись! Человеческая душа дороже тысячи самых важных свитков!

- Я понимаю. Но твоя жизнь мне дороже! Ведь за его пропажу казнят не только меня. Ну, где же, где эта печать? Неужели этот Плутий увез ее с собой?! Где же она?

- Вот! - послышался за его спиной тоненький голосок.

Марцелл мгновенно обернулся и увидел Млада. Тот с хитрым видом разжал кулачок, и все увидели на его маленькой ладони - большую императорскую печать!

Марцелл схватил ее, осмотрел со всех сторон, сомнений не оставалось - это была именно она!

Пассажиры, сгрудившись вокруг него, пытались заглянуть ему через плечо.

- И правда, глядите, она!

- Спас! Спас! Как же тебе это удалось? - только и смог вымолвить пораженный Марцелл.

- Я... - охотно начал, было, объяснять Млад, но тут его сестра первой сообразила, что он снова обрел дар речи, и принялась осыпать его поцелуями.

- Как! Ты заговорил?! Родной мой!!

- Родной наш! - тоже обнял мальчика Марцелл и вдруг осекся на полуслове, увидев идущего к ним отца Нектария.

Юнга оставался лежать на месте.

- Ну... как он? – догадываясь, что случилось самое страшное, всё же, с последней надеждой, спросил Марцелл. Слишком уж торжественно-радостным было выражение лица у пресвитера.

- Всё хорошо. Все уже хорошо. Его душа теперь там, - показал на небо отец Нектарий, - А мы...

- А мы, - перебил его Марцелл, глядя на появившихся на пристани вооруженных людей, которых спешно вел за собой Гилар, - чтобы его жертва не была напрасна, немедленно должны приделать эту печать к эдикту!

4

На Гилара было больно смотреть...

Гилар первым поднялся по трапу и пропустил впереди себя важного, тучного начальника порта.

- Что тут у вас случилось? – задыхаясь, спросил тот и сдержанно кивнул своему давнему знакомому, Марцеллу.

- Вот, - показывая на него, принялся докладывать Гилар, - это он не сумел обеспечить сохранность важного эдикта, это по его вине с него сорвали печать. А я тут не при чем!

- Какой свиток? Какая печать? О чём ты, Гилар? – деланно удивился Марцелл.

- Императорская!

- Эта? – уточняя, показал эдикт с печатью Марцелл и с подчеркнuto почтительным видом вручил его начальнику порта.

- Но... - растерялся, никак не ожидавший такого поворота дел, капитан.

- Зря ты Гилар, утруждал начальника порта, - с упреком заметил ему Марцелл, - я бы и сам с удовольствием доставил ему этот эдикт. Тем более, что нам есть о чем поговорить по старой дружбе и что вспомнить.

Начальник порта внимательно изучил документ, печать и, увидев, что всё в порядке, сразу смягчился и обнял Марцелла.

- Конечно дружище! Мы с тобой еще при прежнем августе хорошо пировали! А помнишь, как мы однажды...

- Господин! – испуганно остановил его один из сопровождавших воинов.

- Там - сам наместник провинции!

- Что-о, сам?!

- Да! И, кажется, идет сюда!

- О, боги!.. – начальник порта, несмотря на свою тучность, сбежал вниз и вскоре вернулся, с поклоном пропуская впереди себя наместника провинции.

Тот огляделся, нашёл глазами Марцелла и, показывая развернутый лист дорогого пергамента, торжественно провозгласил:

- Наш богоравный август Траян Деций уполномочил меня передать, что назначает тебя своим советником, а твоего сына официально делает помощником своего соправителя императора Геренния Этруска. Поздравляю! Это для меня большая честь первым сообщить тебе такую приятную новость!

К Марцеллу тут же бросились с поздравлениями все находившиеся на палубе. Начальник порта, не уставая, повторял, что это его лучший друг, и они дружат чуть ли не с самого детства.

На Гилара было больно смотреть. Ожидавший падения своего врага, которому завидовал с той самой минуты, как увидел на нём золотую цепь, он видел теперь его счастье и славу. Вместе со всеми, изображая на лице улыбку, он вынужден был тоже поздравлять его. И хоть капитан поклонился Марцеллу даже ниже, чем все остальные, глаза его, когда он выпрямился, вспыхнули с еще большей злостью.

Глава девятая

1

- Интересно, и что же унес с собой Плутий вместо печати?

Императорское курьерское судно «Тень молнии», подгоняемое попутным ветром, летело навстречу своему последнему порту - столице Египта, Александрии. Море было беспокойным, чайки скользили вниз к пенистым волнам и тут же испуганно взмывали ввысь, словно боясь, что они поглотят их. Гилар, стоя на капитанском помосте, глядя то на небо, то на волны, выказывал явные признаки беспокойства.

Крисп, с молчаливого разрешения отца, давно уже находился на корме корабля. Теперь здесь были не только пассажиры, но и все члены экипажа, кроме Гилара. Даже охранники, потому что Марцелл после пропажи больше ни на миг не расставался со своей сумкой.

Крисп то и дело скашивал глаза на сидевшую чуть поодаль Злату. Она расположилась ближе всех к отцу Нектарии и улыбалась как ребенок, но кукла по-прежнему была у неё на коленях.

В Александрии они должны были расстаться. Дальше Криспу с отцом предстоял путь в военную ставку к императору, а им - в Афины и затем в свою далекую Дакию.

Мысли о предстоящей разлуке тяготили юношу. Чем сильнее он гнал их от себя, тем грустнее становилось у него на сердце. Злата тоже иногда замечала его и показывала глазами на отца Нектария, давая понять, что ей нравится то, о чем он говорит.

Млад в который уже раз, рассказывал очередному пассажиру, что ему сразу не понравился Плутий Аквилый. А когда увидел, что тот что-то подсыпал в амфору, и Гилар не стал его даже слушать, сам выбил пробку и вылил на палубу всю воду.

- Надо же, Геренний Этрусск - уже император! - вертя в пальцах совсем недавно отчеканенный денарий, задумчиво сказал Марцелл.

- Отец, а чего добивался этот Плутий? - спросил у него Крисп.

- Только теперь я начинаю вспоминать, что и мне он казался подозрительным!
- Трудно сказать, - задумался вслух Марцелл. - Сначала он захотел выкрасть у нас императорскую печать.
- Но зачем?
- В руках такого человека эта печать может всё! Ею он без труда мог скрепить любой эдикт, например, о назначении себя казначеем какой-нибудь отдаленной провинции. Конечно, наместник по роду своей службы известил бы императора, но пока дойдет подтверждение, Плутий успел бы сказочно обогатиться и сбежать, прихватив с собой казну и годовой налог, собранный с провинции. И тогда ищи ветра в поле!
- А что он подсыпал в амфору?

- Судя по всему, этого показалось ему мало. Appetit, как известно, приходит во время еды, и он, наверное, решил усыпить нас. А когда уснем, подговорить гребцов на бунт и сделать «Тень молнии» пиратским кораблем. Поистине это был блестящий план. «Тень молнии» может догнать любое судно и наоборот уйти от погони. Горе было бы тогда всем кораблям, встретившимся ему на пути!

Марцелл знаком подозвал лекаря и сказал:

- Кстати, проверь, все ли снадобья у тебя на месте?

Тот, быстро кивнув, стал рыться в своем ящичке.

- Этот Плутий был не так уж и прост, - продолжил Марцелл.

- Не сумев попасть на несколько императорских курьерских кораблей, он, наконец, добился этого с нами и принялся осуществлять свой коварный план. Сначала через тебя, что почти ему удалось, когда я застал вас в каюте...

- Прости отец... - виновато вздохнул Крисп.

- За что? - улыбнулся ему Марцелл.

- Он и меня обвел вокруг пальца! Потом решил действовать через питьевую воду и, наконец, уговорил беднягу Максима поднять ложную тревогу о пиратах. Конечно, - обращаясь к охранникам, сказал он, - и вам не делает чести, что вы бросились спасать меня, а не важные императорские эдикты. - Тут Марцелл поморщился, вспомнив о том, что было в этих эдиктах, и махнул рукой.

- Главное, что справедливость восторжествовала...

Он вдруг заметил подавшегося к нему бледного лекаря и вопросительно посмотрел на него:

- Что, нет сонного порошка?

- Нет, господин! - с трудом ворочая языком, ответил тот.

- Исчез мой амфориск с ядом!..

- Да, - покачал головой Марцелл. - Он оказался еще большим мерзавцем, чем я предполагал!

Эй, Млад! - подозвал он. - А как тебе удалось обнаружить тайник Плутия, куда он спрятал печать?

- А я, даже когда все думали только про пиратов, следил за ним! - с радостью отозвался мальчик. - И когда увидел, что он спрятал что-то в щель, тихонько подменил печать другой вещью.

- Интересно, и что же унес с собой Плутий вместо печати? - с любопытством взглянул на него Марцелл.

- Как что - мою монету!

- Что?!

- Представляю, как вытянется его лицо, когда он увидит вместо императорской печати самую никчемную вещь на земле! - засмеялся Крисп.

И совсем не никчемную! - обиделся Млад.

- Она помогла освободить нашу маму!

- Ну ладно, ладно, - обнял его Марцелл. - Конечно же, это - самая бесценная монета во всем мире! Но для Плутия, которого, я уверен, в конце жизни ждёт... - он не успел сказать, что именно ждёт в конце жизни Плутия, потому что среди пассажиров, беседовавших с отцом Нектарием, началось какое-то движение, и послышался крик:

- Ты в этом уверен? Тогда крести, крести меня поскорей!

- В чем дело? - спросил Марцелл сидевшего ближе к пресвитеру Сувору.

- Да вот, - объяснил тот, показывая на неказистого мужчину, заседавшего на отца Нектария. - Этот римлянин всегда и во всем завидовал всем. Недавно его соседа, простого безродного плебея, принял в свою семью и дал свое имя сенатор. Он даже из своего города сбежал, чтобы не видеть больше его. И тут вдруг узнал, что, если покрестится, то будет усыновлен не то что сенатором или даже императором, а самим Богом!

- И что же отец Нектарий?

- Вроде бы, согласился, - кивая на поднявшегося пресвитера, улыбнулся Сувор. - Сейчас начнет.

2

И тогда Крисп понял всё...

Матросы снова принесли ведро с водой, отец Нектарий с молитвами трижды отпустил в нее свой крест, и началось таинство святого крещения.

Крисп видел его далеко не первый раз, но всё таки подошел, желая на самом деле быть поближе к девушке. Римлянин снял хитон, оставшись в одной набедренной повязке, и отец Нектарий трижды облил его освященной водой.

- Я бы тоже крестился - вздохнул глядевший на все это пассажир болезненного вида, - но не знаю, выдержу ли те мучения, которые предстоят вам....

- Истинно хочешь? - внимательно посмотрев на него, уточнил отец Нектарий.

- Да. Очень...

- И - веруешь?

- Да, да! Но... боюсь! И не хочу отступить от Господа Бога и предать Его.

Отец Нектарий велел принести еще одно ведро и, снова освятив воду, сказал:

- Господь никому не дает испытаний выше его сил. Если хочешь, я крещу тебя, а дальше предайся воле Господа Бога, и Он не оставит тебя. Он спасет твою душу и устроит все так, как может сделать только самый любящий и заботливый отец.

Бледный пассажир снял с себя хитон и склонился перед отцом Нектарием, который подняв над собой крест, снова начал читать молитвы.

Девушка подалась к Криспу и шепнула ему на ухо:

- А что написано у него на кресте? Я не понимаю по-гречески.

- «Святая - святым!» - перевел Крисп.

- И что это значит?

- То, что царство небесное - для святых.

- Но люди так грешны! Разве это возможно?

- Конечно! Да! Вот посмотри на него, - показывая на трижды облитого с головы до ног святой водой пассажира, сказал Крисп. - Он крестился и Господь отпустил ему все грехи. Он теперь свят и, если сейчас вдруг умрёт, сразу пойдет к Богу, в рай.

- А если останется жить и опять нагрешит?

- Тогда покается, и Бог снова очистит его. Ведь Иисус Христос, когда его распинали, взял на крест все наши грехи и омыл их Своею кровью! Нам остается только припасть к этому кресту, получить прощение и - спастись!

- Какой удивительный Бог! И как Он любит людей! Еще немного и я, пожалуй... - девушка взглянула на свою куклу, нахмурилась и снова с надеждой посмотрела на Криспа. - Пойдем туда, где мы были раньше - попросила она. - И ты расскажешь мне все-все о Христе. Нет, - кивнула она на отца Нектария, - мне нравится, как он говорит, но я не всё понимаю. Ведь он говорит для взрослых и, почему-то, я хочу узнать о Нём именно от тебя.

Они посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, медленно пошли по палубе.

- Даже не верится, что скоро нам расставаться! - вздохнул с сожалением Крисп.

- Да, - эхом отозвалась Злата, - И если честно, то я уже начинаю жалеть, что ты освободил меня!

- Почему?

- Разве не понимаешь?

И тогда Крисп понял всё. Он робко взял девушку за руку, и они еще медленней направились к носу корабля.

Марцелл с грустной улыбкой смотрел им вслед, не замечая, что на него, в свою очередь, с капитанского помоста прищуренными глазами смотрит Гилар, и в его завистливом, злобном взгляде не было ничего хорошего.

3

- Это какое-то безумие! - не выдержав, крикнул келевсту Гилар.

Ветер, налетавший сильными порывами, рвущими паруса, так окреп, что беспокойство Гилара переросло в тревогу.

Матросы уже не быстро ходили, а бегали по палубе, держась за всё, что попадалось им под руки, чтобы не быть сброшенными в море. Всё вокруг вздымалось, бугрилось, ходило ходуном.

Гилар подозвал к себе матроса и велел передать рулевому: взять курс так, чтобы судно шло прямо на гребень волны, разрезая его подводным тараном. Матрос торопливо выполнил приказание. Рулевой понимающе кивнул капитану и из-за всех сил налёг на рулевое весло.

Столб воды обрушился на нос корабля и на даже не заметивших, как усилилась непогода, Криспа со Златой. Они вскочили со своих мест, и тут девушка увидела, что у неё в руках больше нет куклы. Очевидно, её вырвала из рук и унесла за борт морская волна.

- Ой! - воскликнула она, бросаясь к борту.

- Стой! Куда? - отбросил её назад Крисп, но потеряв равновесие, сам покачнулся, и новая волна подняла его и, переворачивая в воздухе, швырнула прямо в открытое море.

- Кри-и-исп!!! - отчаянно закричала девушка.

Услышав её крик, Марцелл оглянулся, мгновенно всё понял, стремительно бросился к борту, затем к капитанскому помосту и, ухватив Гилара за плечи, затряс его:

- Немедленно меняй курс корабля! Поверни обратно!!

- Против такого ветра?!

- Тогда спускай скорее шлюпку!

- Да ведь её перевернет, едва она коснется волны!

В отчаянии Марцелл принялся метаться по палубе и вдруг, сквозь рёв ветра и шум воды, услышал встревоженные голоса:

- Отец Нектарий! Куда ты?

- Что он делает? Остановите его!

Марцелл оглянулся и увидел, как пресвитер, пройдя мимо пытающихся остановить его рук, взобрался на край борта и, будто под ним было не кипящее море, а покрытый коврами пол, не

спрыгнул - сошел вниз.

В это же самое мгновение на судно обрушилась очередная волна. Какое-то время, ослепленные ею, люди ничего не видели, а когда протерли глаза, то оцепенели от изумления и восторга.

Отец Нектарий шел прямо по морю. Он ступал по волнам, словно по суше, и вёл за руку Криспа, что-то говоря ему на ходу. Даже шторм притих при виде такого чуда. Но едва отца Нектария с Криспом подняли на палубу, с ещё большей яростью набросился на корабль.

- Сынок, живой! - ощупывая Криспа, радостно повторял Марцелл, затем обернулся к отцу Нектарию и порывисто обнял его. - Спасибо, спасибо! Как тебе это удалось?!!

- Сам Христос ходил по волнам и однажды спас утопавшего Петра, - отвечая, как о само собой разумеющемся, даже удивился отец Нектарий. - А потом Он сказал, что чудеса, которые Он творил, будем и мы делать, только уже - во имя Его!

- Я даже не знаю, чем мне теперь отблагодарить тебя! - покачал головой Марцелл. - Ведь Крисп - это самое дорогое, что только осталось у меня в жизни!

В это время, Гилар опытным чутьем понял, что его корабль попал не в обычный шторм, а в тот, что бывает лишь раз в жизни капитана, и увы, как обычно - в последний.

- Идет страшный шторм! - сообщил он о своих опасениях Марцеллу и знаком приказал уводить поскорей своего сына в каюту. А всем остальным - ухватиться крепко за снасти.

- Крисп, - поняв его, крикнул Марцелл, - быстро в каюту!

- Но, отец!..

- Я сказал: марш в каюту и захвати с собой Злату и Млада!

То и дело оглядываясь на отца, Крисп вместе со Златой и Младом спустился в каюту. Здесь все качалось, скрипело. И, несмотря на то, что в каюте было тепло и сухо, тут было еще страшнее, чем там, наверху.

- Ты здесь живешь? - трепещущим от страха голосом спросил Млад, показывая глазами на клепсидру. - А что это такое?

- Водяные часы - объяснил Крисп.

- А это что?

- Прибор для письма!

Как ни было страшно ему самому, он ободряюще улыбнулся мальчику и подмигнул одним глазом. Тот в ответ - сразу двумя. Злата, прижав к себе брата, так и стояла посреди качающейся каюты.

- Нет! - не выдержал, в конце концов, Крисп. - Я не могу, когда отец там один!

Злата изо всех сил попыталась остановить его, но не могла же она удержать сразу двоих!

Крисп успокаивающе махнул ей рукой с порога и выскочил из каюты.

То, что творилось наверху, не поддавалось никакому описанию. Корабль уже беспомощной щепкой носило по волнам. Рулевой не столько управлял им, сколько держался за рулевое весло, чтобы самому не быть смытым в море. Судно вздымалось на вершины водяных громад, а затем ухало, словно в бездонную пропасть.

Неожиданно мачта, страшно заскрипев, покачнулась... Было видно, что еще один сильный порыв ветра, и она, сломавшись, полетит за борт.

- Это будет конец! – в ужасе покачал головой Гилар. – Даже, если мы переживём этот шторм, на одних вёслах мы можем не добраться до берега. Ведь неизвестно, куда занесет нас такой ураган!

- Не беда! У нас есть запасная мачта! – крикнул ему Марцелл.

- Была! – с досадой простонал Гилар. – Но в прежнем плавании она пришла в негодность... Откуда я мог знать, что будет такой шторм?

- В ближайшем порту я донесу о твоём халатном отношении к службе, – строгим тоном заметил Марцелл.

Уловив по этому обещанию, что тот несколько не сомневается в том, что они будут спасены, Гилар часто-часто закивал и радостно согласился:

- Да, да, конечно, обязательно. Я заранее согласен на любое наказание!

Но Марцелл уже не слушал его, наблюдая за действиями вовремя заметившего опасность Суворя.

Могучий дак подошел к мачте и подставил под нее свою спину. Два или три матроса, поняв, что он задумал, бросились помогать ему. Так они и стояли, удерживая мачту своими могучими телами от новых порывов ветра.

Судно всё больше и больше заливало волнами.

- Погибаем! – кричали на корме.

- О, боги! О, Господи! Помоги нам!

Крисп кое-как пробрался туда и увидел, как философ, опустив снасть, держался за отца Нектария и просил:

- Крести же, крести меня! Я не хочу остаться в этой бездне навеки!

- И меня, меня! – вторили ему купец с лекарем-греком.

- Крести нас! – вопили остальные пассажиры.

- Да где же я наберу на вас столько воды? – недоумевал отец Нектарий.

И тогда Марцелл, который не терял самообладания даже в таком положении, кивнул на столб воды, обрушившийся на палубу:

- Море большое, на всех хватит! – закричал он. – Эй! Все, кто хочет креститься, сюда! – и уже, обращаясь к отцу Нектария, добавил: – Крести нас!

- И нас! И нас!!

Гребцы-рабы тянули к келевсту руки, умоляя расковать их, чтобы они тоже могли подойти к отцу Нектарию креститься. Но пресвитер успокоил их, сказав, что они будут крещены прямо на своих местах.

- Это какое-то безумие! – не выдержав, крикнул келевсту Гилар, но тот, отойдя от него, уже сам кричал:

- Меня не забудьте!

- Весь мир сошел с ума! – глядя ему вслед расширенными глазами, прошептал ничего не понимающий Гилар.

Крисп, рискуя опять быть смытым в море, бросился в каюту и закричал девушке с братом:

- Скорее, скорей наверх!

- Что – это всё, конец? – беспомощно взглянула на него Злата.

- Нет, только начало! Отец Нектарий крестит там всех, кто захочет!

- Тогда я пошел? – воскликнул Млад, вырвавшись из рук девушки.

Но Крисп у входа удержал его.

- Только со мной! – строго сказал он и вопросительно посмотрел на Злату. – А ты... пойдешь?

Та посмотрела на Криспа, на свои пустые, без привычной куклы-богини руки и, немного смущаясь, ответила:

- Конечно! Я ведь верю тебе...и твоему Богу.

Они успели как раз вовремя. Отец Нектарий трижды, дождавшись новых водяных столбов, окунул в них крест и прочитал слова молитвы, освящая всё море.

Теперь уже святые волны обрушивались на людей и в то время, когда пресвитер читал положенные в таких случаях молитвы, они протягивали к ним руки, молясь неведомому до сих пор Богу. Кто-то кричал, что видит яркий свет, хотя везде стояла сплошная тьма. Кто-то плакал, заверяя, что слышит ангельское пение... кому-то стало так хорошо, что он даже запел...

Крисп обеими руками держась за снасти, смотрел на то, как крестились отец, Злата, Сувор, Млад... Теперь ему не был страшен ни этот шторм, ни столбы воды, готовые в любой миг опрокинуть корабль и увлечь его в самую пучину моря, ни предстоящая разлука со Златой, ни пытки и казни, которые готовил им Деций, ни даже сама смерть. Он был совершенно счастлив...

Глава десятая

1

Крисп недоуменно посмотрел на отца, и тот тихо сказал...

Марцелл с Криспом стояли у борта «Тень молнии», основательно потрепанной штормом, сгубившим не один десяток парусников, но все же по-прежнему быстрой и легкой.

Александрия стремительно приближалась.

- Это Фаросский маяк - показывая рукой вдаль, объяснял сыну Марцелл. - Там Александр Македонский сидел со своими полководцами, рисуя чертеж будущей Александрии, там Юлий Цезарь вместе с Клеопатрой выдерживал долгую осаду восставших египтян...

- А где пирамиды? - спросил Крисп, с трудом удерживая слезы, которые так и готовы были политься из глаз от мысли о предстоящей разлуке со Златой.

- О-о, это далеко! Отсюда не увидеть! - охотно отвечал Марцелл, но чувствовалось, что он хочет сказать совсем другое, и казалось, слезы также душат его.

Пассажиры тоже внимательно рассматривали седьмое чудо света - Фаросский маяк и уже видневшиеся кварталы Александрии. Среди них не было только одного. Того самого, который боялся креститься из-за предстоящих мучений. Во время шторма его смыло волной, причем так, что поначалу никто даже не заметил этого. Потом, узнав, люди, было, огорчились, но, когда отец Нектарий сказал, что его очищенная душа сразу направилась к Богу, обрадовались и не переставали теперь говорить об этом.

- Странное дело! - вслух удивлялся Марцелл. - Корабль, который везет эдикт о начале гонений на христиан, полностью стал христианским!

- Кроме Гилара! - уточнил Крисп, показывая глазами на капитана.

- Да, - помрачнел Марцелл и, приглядевшись к Гилару, вздохнул. - Но ведь, в конце концов и на него попадали святые брызги.

- Однако, он-то не дал согласия креститься, значит, это для него была всё равно, что простая вода! - резонно возразил Крисп.

- Хвала богам! Слава Богу! Прости, сынок, еще не успел привыкнуть... - виновато поправился Марцелл. - Но для нас ведь она была не простая!

- Конечно, отец!

Пристань стремительно приближалась.

- Убрать паруса! - слышался знакомый, но почему-то по-особенному радостный сегодня голос.

- Сушить вёсла!

- Приготовиться спустить якорь!

И, наконец, раздалась команда, которую больше всего ждал и боялся Крисп:

- Отдать якорь!

Несколько матросов взяли тяжелый якорь и бросили в воду.

- Подать трап!

Крисп испуганно взглянул на девушку, она на него, всхлипнула и крепко прижалась щекой к руке отца. Марцелл покосился на сына, на девушку и, прокашлявшись, сказал то, что, судя по всему, хотел сказать давно.

- Вся наша жизнь состоит из встреч и потерь, сынок. Ты уже взрослый, тебе пора привыкать к этому. Но сегодня будь особенно мужественен: тебе предстоит не только эта потеря.

Крисп недоуменно посмотрел на отца, и тот тихо сказал:

- Сегодня ты расстанешься не только с ними, но... и со мной.

- С тобой?!

- Да, сынок! После того, что случилось в шторм, Гилар не преминёт воспользоваться столь удобным случаем, чтобы отомстить мне. И наверняка уже через десять минут о том, что я принял крещение, и не воспрепятствовал тому, чтобы это сделали другие, будет извещен начальник порта. Это еще полбеды – он тоже мой давний приятель. Самое страшное, что Гилар наверняка доложит об этом и фрументариям.

- Кому?

- Есть такой чин в тайной полиции. Ты думаешь, Гилар рад тому, что спас судно от шторма, а заодно и свою жизнь? Как бы не так! Я давно знаю его: жажда мести в нём – сильнее даже жажды жизни! Он не отстанет, не отомстив мне теперь до конца. До самого страшного конца!

- Но, отец!..

- Слушай, и не перебивай. Я принял решение отправить тебя с отцом Нектарием к твоей тете – маминой сестре. К той самой, у которой она гостила здесь, в Александрии.

- А ты?

- А я немедленно отправлюсь к императору и постараюсь открыть ему глаза на христианскую... на нашу, - снова поправился Марцелл, - веру!

- Да он даже не станет слушать тебя!

- Не возражай! Это мой долг. Вот тебе письмо к тете. А это расписка.

- Какая еще расписка?

Крисп взял лист папируса и быстро, благо расписка была написана знакомым отцовским почерком, стал читать:

«Выборным по жертвоприношениям города Рима от сына императорского курьера Марцелла Фортуната, Криспа Фортуната из города Рима, 12-ти лет, дом у подножия Квиринальского холма, справа. Я всю свою жизнь приносил жертвы богам и теперь в вашем присутствии принёс жертву, согласно предписания и вкусил от жертвенного мяса, и прошу вас засвидетельствовать это. Будьте счастливы. Подписал Крисп Фортунат». Далее другими почерками было дописано: «Я, Аврелий Виктор, видел, как ты, вместе с отцом... Я Антоний Секунд, подтверждаю... Я, Корнелий Север, свидетельствую...» И снова – рукой отца: «В первый год императора цезаря Гая Мессия Квинта Траяна Деция Благочестивого Счастливого Августа...»9.

- Отец, нет! Я не могу взять этого! - наконец, осилив расписку, испуганно воскликнул он.

- Я так и знал, что ты откажешь! Но не мог поступить иначе. Я еще не успел укрепиться в вере, как ты, и поэтому прошу: возьми ее, на всякий случай - хотя бы для моего спокойствия... И всё. Да хранят тебя... да хранит тебя Бог - иди!

На мостовую гавани уже спустились купец, философ... и вслед за ними - остальные пассажиры. Давно уже затерялись где-то впереди Сувор со Златой и Младом. Один лишь отец Нектарий стоял на палубе, дожидаясь Криспа. Беспреданно оглядываясь на закаменевшего Марцелла, он подошел к нему, спустился по трапу и медленно направился с ним по направлению к городу.

«Тень молнии» вскоре затерялось за другими большими судами. Отец Нектарий молчал, словно понимая состояние юноши. А тот, оглянувшись в последний раз, вдруг увидел знакомое лицо идущего за ними Скавра, который, заметив это, поспешил тут же затеряться в шумной и пестрой портовой толпе....

2

- Скавр? - обернувшись, узнал Марцелл своего управляющего.

Огонек небольшого глиняного светильника рванулся и встревоженно затрепетал. На стене скромного номера придорожной гостиницы выросла согнутая тень входящего человека.

- Не успел... - в отчаянии прошептал Марцелл. Но это не был фрументарий, пришедший, чтобы взять его по доносу.

За спиной послышалось знакомое покашливание и полузабытые шаги.

- Скавр? - обернувшись, узнал Марцелл своего управляющего.

- Я! - невозмутимо отозвался тот.

- Как ты нашел меня?

- Это было несложно. Ты теперь такой большой начальник! Куда труднее было выследить твоего самого злейшего врага.

- Как? - побледнел Марцелл. - Ты... отыскал их?

- Да. Я выследил дом, где он поселился с твоим сыном. В тот день как раз начались гонения.

- Что?..

- И - выполнил твой приказ.

- И их... казнили?!

Вместо ответа Скавр подошел к столу и молча выложил на него большой бронзовый крест.

- «Святая - святым!» - сначала по-гречески, а затем на латыни прочитал Марцелл и тяжело поднял глаза на Скавра.

- На нём кровь отца Нектария и твоего сына, - отводя взгляд, тихо сказал тот. - Прости меня,

если, конечно, сможешь, Марцелл. Но я выполнял твой приказ!

- Да, да, я знаю. Ты ведь бывший солдат, – после долгого молчания, выдал из себя Марцелл.

- Что ты теперь собираешься делать? – тоже после долгого молчания, спросил Скавр.

Марцелл только пожал плечами:

- Продолжу свой путь, покажу этот крест Децию, и попытаюсь всё объяснить ему!..

- Поздно, Марцелл. Страна залита кровью. Всюду пытки, казни, но вместо одного казненного к кресту идут тысячи и тысячи уверовавших в Христа людей.

- Знаю. Но всё равно я должен... я поеду к нему. Это мой долг исправить то, к чему я оказался причастен.

- Воля твоя. А какие ещё будут указания мне?

- Никаких, – отрицательно покачал головой Марцелл.

- Тогда позволь и мне отправиться с тобой, – попросил Скавр. – Я и до этого, если ты помнишь, хорошо относился к христианам, но после того, что увидел собственными глазами, думаю, мне будет, что сказать императору. Не послушает одного, глядишь, поверит нам обоим.

- Хорошо. Я сейчас соберусь. – Марцелл потянул к себе дорожную сумку, сощурил на неё глаза, очевидно вспоминая Криспа, и быстро оглянулся на Скавра. – Сейчас скажи мне только одно: они... сильно страдали?

- Нет! Сам Бог укреплял их. – Клятвенно приложил ладонь к груди Скавр. – Они улыбались, когда им... когда их...

- Подожди, – остановил Скавра Марцелл и, перебросив через плечо лямку сумки, добавил, – остальное доскажешь по дороге!

3

Император погибал...

Как ни торопился Марцелл, загоняя со Скавром по дороге лошадей, он так и не успел поговорить с императором Децием. Они опоздали всего на каких-нибудь несколько минут.

Несмотря на то, что это был район боевых действий, дозорные часовые, узнав, что перед ними возвеличенный августом императорский курьер, беспрепятственно пропускали Марцелла. Лишь в самом конце их едва не отправили назад преторианцы, как никогда тщательно перекрывавшие все пути и подходы к августу. Выручило лишь то, что Марцелл лично был знаком с их начальником – Валерианом. Этот аргумент оказался решающим. Они поскакали дальше и, наконец, вылетели на взмыленных лошадях на поляну, где разыгралась страшная трагедия. От дозорных они уже знали, что незадолго до этого меткой фракийской стрелой был убит сын Деция Геренний Этруск, а теперь, на глазах своих легатов и слуг, погибал и сам император.

Увлечшись погоней за врагом (а может, это был заговор?), Деций опередил свою охрану и неожиданно угодил в показавшееся ему прекрасным лугом болото. Конь сразу исчез в трясине, а его самого засасывало медленно, но неумолимо. Люди, столпившись вокруг, не знали, чем

помочь своему императору. Кто-то старался дотянуться до него древком копья, кто-то спешно рубил деревья - всё было напрасно! Трясина все глубже и глубже засасывала Деция, словно безжалостная адская бездна...

Преторианцы больше мешали, чем помогали тем, кто пытался спасти императора. Один из них не дал подползти к нему с копьем молодому трибуну, другу старшего сына Деция. Другой вырвал острый, как топор, сарматский меч у телохранителя, заверяя, что гораздо быстрее срубит дерево, которым можно было дотянуться до августа, да только делал вид, что рубит его...

Император погибал. Поняв, что никто из подданных уже не сможет спасти его, он принялся звать на помощь римских, эллинских, египетских, галльских богов, умолял своего гения, которому в это время приносила жертву вся необъятная Империя. Всё было тщетно. Ни Юпитер, ни Зевс, ни Сарапис, ни даже его гений не приходили ему на помощь...

- О, боги! - в панике метаясь вокруг болота, кричали люди.

- О, Боже! - невольно выдавая себя, вдруг выкрикнул кто-то по-христиански.

Услышав это, Деций с мольбой посмотрел на небо. В его погибающих глазах неожиданно появилась последняя надежда. Очевидно, он вспомнил доклады о гонениях на последователей Христа, которым помогал их Бог в невероятно тяжелых мучениях... Вспомнив будто кровью написанные строки этих докладов, он закричал:

- Иисус Назарянин! Хоть ты помоги мне!

Но трясина всё тянула и тянула его в себя.

- Август, перекрестись! - закричал, не обращая внимания на то, что выдает себя, Марцелл.

- Как?! - хрипя, простонал император.

- Вот! - заслоня собой Марцелла, показал Скавр.

Деций попытался поднять руку, чтобы положить пальцы себе на лоб. Но тяжелая, вязкая грязь уже захватила его так, что он не в силах был даже пошевелить ею. И на глазах у всех - сначала плечи, потом шея и, наконец, голова императора, отчаянно сопротивляясь смерти, исчезли в сомкнувшейся над ним, сыто забулькавшей, мутной жиже...

Конец Деция был началом для Валериана.

Молодой трибун с потерянным лицом сидел на траве, уронив ненужное больше копье. Старый легат, не раз призывавший его к осторожности, отошел поближе к Валериану, которого уже открыто называли августом и императором.

- Поразительно, как это боги не дали погибнуть и нашему префекту претория? - громко восхищались льстецы.

- Какому префекту? Нашему непобедимому императору! Богоравному августу!

- Противник не должен знать, что у нас нет императора. И нечего ждать утверждения его сенатом!

- Приказывай, август!

- Веди нас на варваров!

- А если сенат будет против – то и на Рим!

Марцелл со Скавром переглянулись и, не сговариваясь, направили лошадей прочь от болота. Их никто не остановил, хотя они открыто объявили себя христианами.

Гонения кончились, прокатившись по всему римскому миру кровавой волной.

- Ну, и куда теперь? – повернувшись к Марцеллу, спросил Скавр. И тот, не скрывая своего разочарования тем, что их не казнили прямо на месте и даже не стали догонять, вздохнул:

- Раз нам не пришлось исповедать Христа, как отец Нектарий, Крисп и моя жена, значит, надо жить. Да-да, жить – но так, чтобы спастись, как они, и после смерти быть с ними вечно! Но как это сделать, когда вокруг – творится такое? – показал он рукой на оставшееся за леском болото.

- Когда здесь все мешает и не дает идти ко Христу!

- Будучи в Александрии, я слышал, что те, кто хочет спастись, удаляются в египетскую пустыню ... - припомнив, сказал Скавр. – Может, и нам следует оставить все и податься туда?

- Помнится, отец Нектарий говорил, что Христос призывал оставить все и следовать за Ним! – задумчиво отозвался Марцелл.

- Двум первым ученикам на вопрос, где Он живет, Он так и сказал: пойдите и увидите. И они пошли, и посмотрели, и потом, оставив все, стали апостолами, и спаслись!

- Тогда – пойдём и поглядим?

Вместо ответа Марцелл молча развернул своего коня навстречу солнцу и помчался так, что его трудно было догнать даже такому наезднику, каким был его спутник.

И это было его лучшим ответом: и Скавру, и Криспу, и отцу Нектарии, всему этому миру, и – самому себе.

Примечания

[1] В эпоху античности часто, чтобы не изготавливать новую скульптуру, просто брали старую и подписывали ее новым именем.

[2] Багрянками назывались улитки, из сока которых делали пурпурную краску.

[3] Испании.

[4] Легендарный царь Крез считался богатейшим человеком времен античности.

[5] Келевст – начальник гребцов на судах в древности

[6] Наварх – морской полководец, капитан

[7] Ойкуменой в древности назывался весь известный тогда грекам и римлянам обитаемый мир.

[8] Клепсидра - водяные часы.